

Дамье Вадим. Социальные преобразования анархо-синдикалистов в Испанской революции

2018, источник: [здесь](#).

В.В. Дамье. АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСПАНИИ (1919-1939). М.: ЛЕНАНД, 2018. С.248-284

В июле 1936 г., в ответ на правый военный путч, в Испании вспыхнула социальная революция. Трудящиеся, объединенные в анархо-синдикалистские профсоюзы НКТ и анархистскую федерацию ФАИ, победив мятежников на значительной части территории страны, приступили к проведению глубоких социальных преобразований. О том, что и как было сделано, что сделать не удалось и почему, рассказывается в главе из книги историка В.В. Дамье.

Анархо-синдикалистские массы обращали в первые месяцы (после победы в Июле 1936 г., - В.Д.) мало внимания на компромиссы, заключенные «наверху». Они сами осуществляли социальную революцию «внизу», движимые своей либертарной «идеей-силой». «Революционная инициатива исходила не от руководящих комитетов НКТ – как это могло быть иначе, если либертарная революция официально «откладывалась»? – но от отдельных союзов НКТ, побуждаемых наиболее продвинутыми синдикалистскими активистами», – подытоживал известный исследователь Рональд Фрейзер (1).

Многие исследователи, принадлежащие к марксистскому направлению, пытались возложить на анархо-синдикалистское движение в целом вину за поражение Испанской революции. Они утверждали, будто сотрудничество лидеров НКТ и ФАИ в правительстве явилось следствием анархистской идеологии, отвергающей взятие трудящимися политической власти (2). Однако подобная точка зрения несостоятельна. Прежде всего, анархистские концепции не только отрицают создание новой, «пролетарской» власти, но и предусматривают ликвидацию старой, чего как раз и не сделали руководители НКТ. В данном случае, они действовали не «благодаря» либертарным теориям, а вопреки им. Кроме того, неверно утверждать, будто анархо-синдикалистские массы Испании отказались от осуществления социальной революции только потому, что их «лидеры» призывали

приостановить до победы в войне. Факты говорят о том, что сотни тысяч рядовых членов НКТ и ФАИ, игравших первостепенную роль в организации рабочего и крестьянского самоуправления на производстве, но действовали самостоятельно на уровне предприятия или коммуны, не дожидаясь призывов или распоряжений, в том числе, от комитетов собственной организации. По свидетельству посетивших революционную Испанию французских анархистов Андре и Доры Прюдоммо, в «низах» анархо-синдикалистского движения был распространен следующий взгляд: «...Революция должна создать свои собственные, особые и новые органы. Правительство социал-буржуазной концентрации в Мадриде не имеет ничего общего с революционным органом. Это всего лишь жалкая попытка сохранить буржуазную легитимность. Но не силы буржуазной легитимности, а трудящиеся взяли в свои руки дело всего народа, и именно они должны в своих организациях борьбы осуществлять руководящую ответственность. Только профсоюзные организации могут... придать социальное содержание революции... Присутствие членов НКТ и ФАИ в органах правительства – всего лишь компромисс, вынужденный обстоятельствами, временное отступление в революции. Ведь она [революция, – В.Д.] имеет лишь один инструмент – сами массы, организованные на уровне коммуны и цеха» (3).

Именно такое автономное творчество «снизу», независимо от «вождей», а если надо – то и вопреки им, доказало мощь анархистской «идеи-силы».

Масштабы самоуправления трудящихся в этот период Испанской революции не знают себе равных в истории.

Но как только проблема выходила за рамки отдельных предприятий, давление «обстоятельств» (этим термином стыдливо обосновывали «откладывание» полномасштабной социальной революции и установления либертарного коммунизма до победы в гражданской войне) сразу же начинало сказываться. Анархисты четко различали между «коллективизацией» и «социализацией». Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй – обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на рыночной и не бюрократической основе. В теории «коллективизация» считалась первым шагом к «социализации». Но этот переход в промышленности так и не состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги оставались у государства и капиталистов.

По воспоминаниям А. Сухи, в Каталонии, помимо промышленности и барселонского порта, «коллективизация охватила строительную отрасль, пекарни и мясобоюни, гостиничное дело, кино, парикмахерские и т.д. Все гостиницы и рестораны были коллективизированы. Предприниматели, владельцы гостиниц и т.д. [те, кто не бежали и хотели этого, – В.Д.] полувынужденно вступили в профсоюз и получали от него зарплату. Заработки наиболее низких категорий были повышены, наиболее крупные – снижены. Предпринимательских прибылей, дивидендов, бонусов и т.д. больше не было. Излишки переводились в профсоюзную кассу... Общее повышение зарплаты на 15% осуществлялось на основе старых зарплат», тем не менее, известные различия в зарплатах сохранялись. При простое предприятий или отрасли профсоюзы выплачивали деньги до тех пор, пока проблема не решалась (4). В то же время, с самого начала, во избежание иностранной интервенции,

руководители НКТ и ФАИ отказались от экспроприации предприятий, принадлежавших зарубежному капиталу: на них был лишь установлен рабочий контроль (5).

Управление коллективизированными предприятиями находилось в руках самих работников. «Устав предприятий, разработанный коллективом, свидетельствовал о высоком уровне чувства ответственности, в котором синдикалистские организации воспитали работников. Советы предприятий, руководители предприятий, административный совет и, наконец, высшее руководство предприятия работали по инструкциям, которые обсуждались и утверждались на общих собраниях предприятий. Все ответственные руководители строго контролировались особыми профсоюзными контрольными комиссиями. К руководству предприятиями допускались лишь люди, обладавшие достаточными техническими и организационными качествами...», – свидетельствовал Сухи (6). Коллективизация позволила в ряде случаев существенно улучшить работу промышленности, как это было, к примеру, в текстильной отрасли в Барселоне, сумевшей закупить машины за рубежом, и в металлообработке, которая приступила к выпуску военной техники.

В соответствии с концепцией либертарного коммунизма, одобренной в мае 1936 г., предприятия, захваченные работниками, должны были затем объединиться в целостную, социализированную экономическую систему. Но из-за отказа от немедленной «тотальной» революции этого не произошло. В результате многие предприятия продолжали хозяйствовать хаотически, на свой страх и риск. По словам очевидца Гастона Леваля, «очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывали производство своими силами и продавали продукт своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения». Стремление к компромиссу с властями не позволяло рабочим «идти дальше, и тем самым, вехи с самого начала были расставлены неверно. Это была... не настоящая социализация, а рабочий неокapитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы – это следует подчеркнуть – если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов» (7).

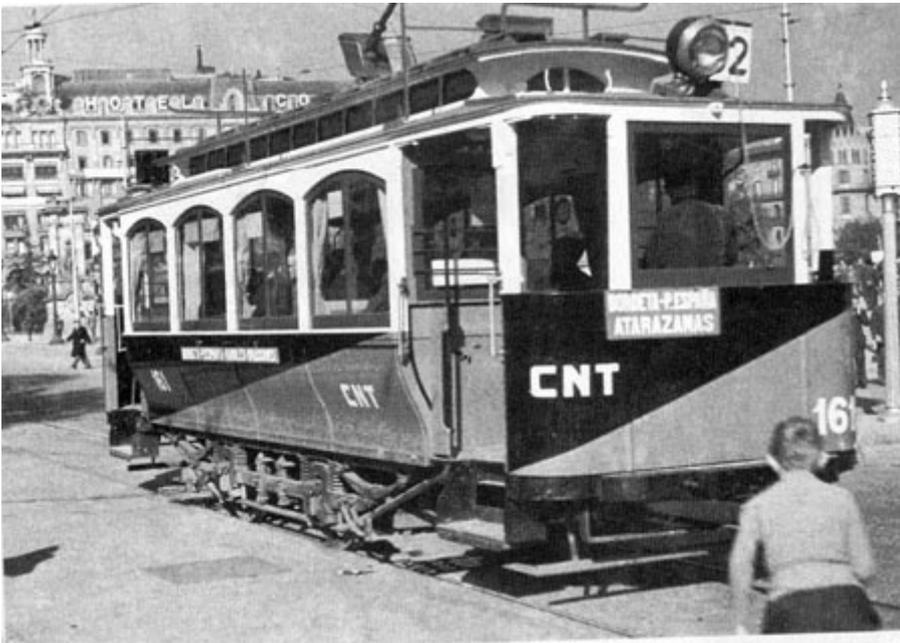
Абад де Сантьян, который занимался в НКТ экономическими вопросами, признал в конце 1936 г.: «Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление... Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность». «Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим» (8).

Правда, в ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординировано,

как единое предприятие, под управлением органов, избранных самим работниками – так называемые «группы». Так были организованы все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамвайный транспорт в Барселоне, местами – транспорт и здравоохранение (9). Крупными объединенными производственными единицами стали, например, «Коллективизированные трамваи Барселоны», металлургические комплексы «Испано-Суиса» и «Ривьер», нефтеперерабатывающий комплекс «КАМСА», текстильный комбинат «Эспанья Индустриаль», комбинат по производству напитков «ДАММ» и другие, «Коллективная группа строительства Барселоны», «Социализированная деревообработка Барселоны», «Группа коллективизированных учреждений парикмахерского дела», «Социализированные публичные зрелища Барселоны», «Объединенные электрические службы Каталонии», «Коллективизированная литейная промышленность» и др.

Верховным решающим органом в «группах» было общее собрание всех работников. Оно обсуждало и определяло основные направления работы, избирало и отзывало членов органов, которые принимали повседневные решения, и контролировало их. Текущее технико-экономическое руководство осуществлялось Советом предприятия. Органом, отстаивающим повседневные интересы работников, связанные с зарплатой, условиями труда, пенсиями и т.д., являлся профсоюзный комитет. Помимо этих трех органов на уровне «группы» в целом, имелись аналогичные – на уровне отдельного предприятия или местности; они обладали автономией при решении вопросов, которые затрагивавших исключительно их сферу компетенции.

В рамках преобразований осуществлялась концентрация производства, закрывались ненужные отделы или предприятия, а их работники переводились в другие производственные центры, что позволяло избежать ненужного распыления сил или конкуренции. Проводились технические улучшения и внедрялись усовершенствования. В «группах» собирались статистические и иные данные, с прицелом на переход к планированию производства. В социальном плане были улучшены условия труда и гигиены на производстве, сокращены различия в зарплате, организованы медицинские, социальные, пенсионные и прочие службы, снижена безработица, повышено качество продукции и услуг (10).



Коллективизированные трамваи в Барселоне



Коллективизированный транспорт доставляет продукты питания

В некоторых населенных пунктах, как, например, в Жероне (11) или Ospitalete, коллективизация приобрела почти всеобъемлющий характер. Ситуация в Ospitalete может служить хорошим примером того, как разворачивалась революция «в провинции». В этом городе жили 48-50 тысяч жителей, из которых 13 тысяч трудились в промышленности (текстильной, строительной, металлургической и керамической), а 1-1,5 тысячи в сельском хозяйстве, садоводстве и овощеводстве. В местной НКТ преобладали радикалы во главе с Жозе Шеной и Северино Кампосом, которые еще в июле 1936 г. настаивали на немедленном провозглашении либертарного коммунизма. После 19 июля 1936 г. в городе установилось своего рода двоевластие: бок о бок существовали муниципалитет и коалиционный Комитет милиций (Революционный комитет), в котором преобладали члены НКТ и ФАИ. В кварталах и

среди работников отдельных отраслей собирались народные ассамблеи, были конфискованы важные здания, в которых разместились общественные организации и учреждения культуры, на предприятиях созданы контрольные комитеты, предприняты первые шаги по «коллективизации» предприятий и земли, налажено снабжение через комиссии по продовольствию, народные кухни и магазины, разработан местный план развития образования. Крестьяне и батраки объединились в коллектив и создали свой революционный комитет. После роспуска Центрального комитета антифашистских милиций (ЦКАМ) в Барселоне, оспиталетский Комитет милиций также был влит в новый, коалиционный муниципалитет. Участвуя в нем, анархо-синдикалисты, тем не менее, настойчиво пытались добиться принятия предлагаемых ими мер, таких как введение единой зарплаты для всех (её удалось ввести в отдельных коллективах), создание общей кассы для компенсации убытков и прибылей, полная муниципализация жилья и земли в городе, «коллективизация» потребительских кооперативов. Из-за кардинальных расхождений во взглядах с анархо-синдикалистами, представители ВСТ и каталонских националистов 26 декабря покинули муниципалитет. 29 декабря НКТ образовала собственный орган – Комитет обороны и экономики под председательством Ж. Шены. В последующие месяцы была осуществлена муниципализация уборки мусора, начата практическая реализация муниципализации жилья, выделены средства в помощь безработным, создан Генеральный совет по экономике, который должен был координировать всеобщую «коллективизацию» и объединение всех коллективов, производство и потребление. «Учитывая коллективизации, осуществленные после 19 июля до настоящего момента объединенными в синдикаты трудящимися в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, необходимо организовать их технико-экономическую координацию и поставить под контроль общей экономики» – говорилось в принятом документе. На предприятиях должны были избираться комитеты и технико-административные делегаты; представители комитетов собирались и избирали комитеты отрасли, которые, в свою очередь, выбирали Генеральный совет. Фонды коллективов передавались Генеральному совету, обеспечивавшему кредит и взаимопомощь, но управлялись отраслями. Однако далеко идущие планы преобразований были сорваны вмешательством каталонского Женералитата, который 9 февраля 1937 г. добился восстановления коалиционного муниципалитета... (12)

Самоорганизация трудящихся не ограничивалось только сферой производства. В августе 1936 г. генеральная ассамблея Единого синдиката публичных зрелищ НКТ Барселоны одобрила социализацию кино и театров (13).

Всего в Каталонии действовало не менее 98 «групп», из которых 4 имели общенациональный (в свинцовой индустрии, литейном деле, производстве холодильного оборудования и изготовлении весов и фурнитуры), а остальные местный характер. Большая часть их концентрировалась в районе Барселоны. Чаще всего они не охватывали всю отрасль, хотя имелись и исключения, например, в свинцовой отрасли и в пекарном деле Барселоны (последнее объединение включало 708 предприятий) (14).

Хотя основная инициатива в деле «коллективизации» во всех регионах исходила от рабочих и синдикатов НКТ, нередко в преобразованиях принимали участие и социалистические профсоюзы ВСТ, как например, в Астурии, Леоне и Паленсии, в рыбной индустрии Хихона, Ларедо и др. (15)

Стремясь прежде всего продвинуться от «коллективизации» (перехода под управление трудовых коллективов) к социализации (обобществлению) экономики, анархо-синдикалисты инициировали создание 11 августа 1936 г. Экономического совета Каталонии, который должен был осуществлять общую координацию и планирование хозяйства и ценообразование. Однако и этот орган носил компромиссный характер как по составу (в него вошли 5 членов НКТ и ФАИ, 1 член ВСТ, 1 член ПОУМ и 1 представитель Женералитета), так и по своим задачам. В его цели входило осуществление таких разноплановых мер, как регулирование производства с ориентацией на потребление, обеспечение монополии внешней торговли, развитие коллективизации в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и на транспорте, развитие кооперации крестьян и потребителей, трудоустройство безработных, унификация налоговой системы и др. (16)

Абад де Сантильян, игравший ключевую роль в Экономическом совете, был убежден, что этот орган будет способствовать созданию новой хозяйственной системы. Радикальное крыло анархо-синдикалистов (Дуррути и др.) опасалось напротив, что подобная «легализация» завоеваний революции в тенденции лишь усилит власть Женералитета и может привести к «государственному капитализму» либо «государственному социализму» (17).

Отябрьский декрет Женералитета, как уже отмечалось, ограничил размах коллективизации в промышленности. В легализованных (признанных государством) «группах» вводился пост представителя, назначенного советником Женералитета по экономике по предложению и с согласия работников. Тем не менее, на коллективизированных предприятиях Каталонии право принимать экономические решения сохранялось за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания «промышленной и торговой кредитной кассы» – 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. Трудовой коллектив мог распоряжаться 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернеккера, «сложилась «координируемая» профсоюзами и «направляемая» государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистско-социалистические производственные единицы» (19).

Многие синдикаты НКТ призывали не ограничиваться достигнутым и идти дальше, к всеобъемлющей социализации экономики. Так, единый синдикат деревообделочной отрасли подчеркивал, что анархисты с самого начала могли реализовать свою волю: «заменить режим, который умер 19 июля, другим, более гуманным и равным – либертарным коммунизмом». В Барселоне и в Каталонии «эта трансформация началась». Однако «другие организации воспользовались чувствами людей из НКТ и ФАИ», чтобы повернуть «течение народа» в сторону новых поражений. В результате, «вместо того, чтобы перейти к подлинной инкаутации [экспроприации, – В.Д.], широко удовлетворить желания народа, хозяев обязали выплачивать еженедельный заработок, поденная плата увеличилась, а почасовая сократилась, и это в разгар войны!». На предприятиях, которые все же были конфискованы, появилось большое число «паразитических бюрократов» и контрольных комитетов, не занимающихся производством. Кроме того, возникшие в промышленности

коллективы оказывались в неравном положении. Они скорее напоминали кооперативы, хозяйствовавшие в свою пользу и на свой страх и риск, что создавало «два класса: новых богачей и вечных бедняков» (20).

Просто делать вид, что все соответствует первоначальным планам и намерениям, было невозможно. Авторы специальной статьи под названием «Куда идет революция?», опубликованной в бюллетене НКТ и ФАИ, не могли отрицать, что анархо-синдикалисты пошли на существенные уступки своим партнерам по антифашистской борьбе («мелкой буржуазии», по анархо-синдикалистской терминологии того времени). «До настоящего момента, благодаря решительному действию трудящегося класса, благодаря революционному импульсу первых дней, благодаря работе, осуществленной с улицы, в противовес официальным директивам, удалось выстроить некоторые минимальные революционные принципы, частично санкционировав то, что было сделано массами...»: конфискацию феодальных поместий и ограничение собственности. Однако авторы статьи настойчиво предостерегали от иллюзии, будто в стране уже произошла социальная революция, вышедшая за демократические рамки: «остались в силе социальные иерархии, старые устои капитализма, механизмы буржуазного государства, частная торговля, прибавочная стоимость, частная собственность и роковой закон наемного труда». Для того, чтобы совершить такую революцию, подчеркивали они, необходимо прежде всего изменить экономику страны. Критикуя положение, при котором создание новой экономической системы происходило на местах путано, неровно и без какой-либо координации, статья призывала по договоренности с ВСТ разработать связный план социально-экономических преобразований в Испании (20).

«Экономика должна быть отражением революции», – заявляла НКТ (21). Отказавшись от немедленной ликвидации государства и устранения правительства, анархо-синдикалисты надеялись, по крайней мере, вырвать из-под его власти экономическую деятельность. Они были убеждены, что «мелкая буржуазия, представленная в правительстве и подобных ему официальных центрах», бюрократия, чиновники, «ненужные посредники и промежуточные звенья» не в состоянии обеспечить нормальную работу и развитие хозяйства. Профсоюзы и их организация обязаны «контролировать все производство и управлять им». «Не существует возможных средних решений: вся экономика должна перейти к синдикатам» (22).

«Официальные органы, – писал информбюллетень НКТ и ФАИ, – должны ограничиться исключительно своими функциями: официальными отношениями с другими странами» и заключением торговых договоров с границей. Производству и распределению продуктов следовало перейти под контроль автономных и федералистских организаций производителей, прежде всего, – синдикатов (23). Большое значение придавалось децентрализации и диверсификации хозяйства, в стремлении «любой ценой не допустить, чтобы производство в стране централизовалось в двух или трех городах», и обеспечить «полную автономию округов в операциях по обмену продуктов, как внутри страны, так и с границей» (24).

Как объяснял, к примеру, единый синдикат деревообделочной отрасли, анархо-синдикалисты признали декрет Женералитета о коллективизации, но на практике

стремились придать ему другую ориентацию. «Мы согласны с коллективизацией всех отраслей, но с единой кассой, переходя к эгалитарному распределению. С чем мы не согласны, так это с тем, что будут коллективы бедные и богатые...» (25).

Синдикаты и федерации НКТ активно обсуждали планы социализации экономики. Федерация объединенных профсоюзов водо-, газо- и электроснабжения разработала проект обобществления электроснабжения (26). Представители текстильных федераций НКТ и ВСТ, собравшись на общее собрание, постановили «перейти к полной коллективизации текстильной отрасли в Каталонии» и утвердили систему самоуправления в ней (27). Участники местного пленума синдикатов НКТ в Валенсии в декабре 1936 г. высказались за необходимость того, чтобы «социализация отраслей промышленности осуществилась в общенациональных масштабах». Они предложили схему организации самоуправления на всех уровнях, включающую советы фабрики, секции, отрасли и общий Экономический совет. Каждая отраслевая секция должна была полностью и детально изучить положение в своей отрасли и представить Экономическому совету проект социализации с точным указанием наличных мощностей и производительности, числа работников, имеющегося сырья, рынков сбыта и возможностей хозяйственного развития (28). 1 января 1937 г. Национальный конгресс транспортной отрасли дискутировал вопрос о национализации или социализации отрасли (29).



Плакат социализированной автомобильной индустрии

В феврале 1937 г. конгресс НКТ Каталонии одобрил план перестройки отраслевых синдикатов, которые должны были охватить и контролировать весь цикл производства – от выращивания продуктов или добычи сырья до распределения произведенных продуктов (30). В Каталонии был организован экономический опрос местных синдикатов и объединений. Таким путем собиралась информация, которая должна была служить созданию «революционной экономики» с системой «планирования снизу». Эта статистика включала, в частности, данные о географическом положении и условиях, традициях социально-революционного движения, экономической ситуации и экономических связях местности, о положении с жильем, о возможностях на будущее и т.д.(31)

Хотя анархо-синдикалисты претендовали на контроль над всей экономической системой Испании, им приходилось считаться с ограничениями и в этой области. По существу, уже зимой 1936–1937 гг. начала приобретать первые очертания идея создания отдельного хозяйственного сектора, управляемого НКТ. «Коллективизации переходят к тому, чтобы стать принципом социализации экономики... Но в настоящее время, в данную переходную эпоху, принимая во внимание, что завтра нам потребуется также поддерживать отношения с другими странами и что денежные знаки все еще существуют», в бюллетене НКТ-ФАИ предлагалось изучить идею создания Банка Конфедерации как «посреднического механизма» между отраслевыми федерациями (32).

Политические компромиссы отчасти сдерживали развитие низовой инициативы. Так, поскольку либертарный коммунизм не был провозглашен, от идеи отмены денег и распределения по потребностям пришлось отказаться.

В городах денежное обращение полностью сохранилось. Однако в революционной Каталонии предпринимались попытки установить общественный контроль над распределением. В первые дни после 19 июля синдикаты пищевой промышленности и работники ресторанно-гостиничной отрасли в Барселоне организовали народные столовые. После образования каталонского «Комитета милиций» был создан Центральный комитет по снабжению, в который вошли представители различных политических сил, а также аналогичные комитеты в варталах, где они чаще всего контролировались квартальными комитетами НКТ-ФАИ. Наличные продукты были взяты под строгий учет. Новый орган сразу же принял меры, чтобы убедить торговцев открыть магазины и лавки, а «товарищей, сражавшихся на улицах» – «подчиниться контролю, вынужденному обстоятельствами». Комитет по снабжению организовал доставку продовольствия на фронт и в госпитали, открыл 4 магазина, а также поддерживал сеть «народных столовых», в которых до декабря были потреблены в общей сложности 700 т. хлеба, 600 т. картофеля, 170 тыс. дюжин яиц и т.д. (33) Он был единственным оптовым торговцем; розничные торговцы приобретали продукты через него. Деятельность комитета распространялась на всю Каталонию (34). Но система частной торговли сохранилась и к концу года в Барселоне появились такие явления как дефицит продуктов, спекулятивные повышения цен и иные злоупотребления. Уже в декабре 1936 г. единый синдикат работников распределительной отрасли НКТ призывал трудовой персонал магазинов и лавок следить за тем, чтобы хозяева не продавали товары «налево», а также контролировать уровень цен, не допуская их произвольного повышения (35). «Не надо больше спекулянтов! К ним надо относиться как к мятежникам...!» – взывал информбюллетень НКТ и ФАИ (36).

Работники продолжали получать заработную плату. Максимум, что удалось сделать – это ввести в ряде случаев систему так называемой «посемейной оплаты», то есть равной зарплаты для каждого работника с надбавками на членов его семей. 24 сентября 1936 г. за введение такой меры высказался региональный пленум синдикатов НКТ Каталонии, в котором приняли участие делегаты 327 синдикатов (37), а в ноябре 1936 г. – генеральная ассамблея синдикатов НКТ Валенсии (38). Тем не менее, эта практика так и не получила всеобщего распространения. Чаще всего все ограничилось сокращением разрыва в заработках и значительным повышением ставки для более низкооплачиваемых категорий. На селе первое время пытались экспериментировать со свободным потреблением, рационированием, введением местных денег, «посемейной оплатой» и т.д. Однако все эти меры носили нескоординированный характер. Отсутствовала и какая-либо координация в деятельности местных революционных органов; вопреки анархо-синдикалистской «программе», они не объединялись в федерации, а работали исключительно на локальном уровне.

Коллективизация захватила и сельские районы Республики. 5-7 сентября 1936 г. в Барселоне прошел региональный пленум крестьянских синдикатов Каталонии, входящих в НКТ. В нем участвовало около 600 делегатов. Обсуждались вопросы об организации новой жизни, причем, как отмечала французская синдикалистская газета «Лё Комба синдикалист», общий принцип состоял в том, чтобы «предоставить местным организациям решать, в какой мере анархистские принципы... могут быть применены к реалиям производства». Учитывая распространенность мелкой индивидуальной земельной собственности в Каталонии, было рекомендовано не осуществлять немедленно коллективизацию всей земли и «в принципе уважать частную обработку земли», если она осуществляется собственными силами, то есть без применения наемного труда. Коллективизации подлежала для начала крупная земельная собственность, земли, обрабатываемые с помощью наемной рабочей силы. Вся экспроприированная земля переходила под контроль и управление синдиката и обрабатывалась непосредственно в интересах его членов, то есть «всех трудящихся в целом». Синдикат должен был также контролировать производство и обмен с мелкими крестьянами. Возможность немедленного перехода к полной коллективизации всех земель зависела от настроений и пожеланий жителей конкретных деревень. Желавшие могли объединиться в коллектив, не дожидаясь, пока это сделают другие. Расчет был на то, что технические преимущества коллективного хозяйства смогут убедить индивидуальных собственников присоединиться к коллективам позднее.

Что касается формы обмена и сбыта произведенной продукции, то в принятом решении уже ясно сказывались уступки «неанархистским» партнерам по борьбе с фашизмом. «Принимая во внимание, что борьба против фашизма не принадлежит одной лишь НКТ, но в ней принимают участие все революционные организации» и следует соблюдать «революционный альянс», было решено, «пока сохраняются нынешние обстоятельства», «установить цену на все продукты, как сельскохозяйственные, так и промышленные». Эти цены должен был определить Экономический совет Каталонии после изучения «всех характерных особенностей производства». Обмен должен был совершаться с использованием денег или без такового, по желанию участников соглашения. Форма вознаграждения за труд устанавливалась по желанию жителей каждой отдельной деревни.

Иными словами, речь шла о том, чтобы на время союза с другими силами отказаться от внедрения принципов либертарного коммунизма. Конференция высказалась также за объединение с другими крестьянскими организациями Каталонии, если те освободятся от влияния политических партий (39).

В Каталонии возникли сельскохозяйственные коллективы различных типов. Некоторые из них (как, например, в Вальсе) были производственными и потребительскими товариществами: часть крестьян и сельскохозяйственных рабочих селения объединяли свои участки, орудия труда и скот, сохраняя право получить их обратно, в случае выхода из коллектива; члены вместе обрабатывали землю и получали «посемейную» оплату; была создана общая сберегательная касса. В качестве органов действовали общее собрание, избираемый им комитет, бригады во главе с выборными делегатами и комитет делегатов от бригад. Другой формой являлся коллектив, который охватывал всю хозяйственную жизнь селения, приближаясь к либертарной коммуне. Таким был, к примеру, коллектив в Сольяна, созданный НКТ и ВСТ. Он включал как работников сельского хозяйства, так и ремесленников и ориентировался на организацию общего хозяйства, скотоводства и ремесла. Земля и имущество сторонников мятежа были конфискованы, для не вошедших ограничен максимальный размер земельных владений, установлен контроль над жильем. Члены коллектива получали «посемейную» оплату в местных болах.

Некоторые из каталонских коллективов были довольно крупными по масштабам. Так, в центре рисоводства Ампосте (10 тысяч жителей) крестьяне коллективизировали рисовые поля, закупили сельскохозяйственные машины и с помощью федерации сельскохозяйственных рабочих построили птицеферму. В 20-тысячном рыбацком городке Вльянуэва-и-Желтру рабочие коллективизировали резиновую фабрику «Пирелли». а крестьяне организовали три аграрных коллектива (один был создан НКТ, другой – ВСТ, и третий – мелкими арендаторами) (40).

В то же время, социальные преобразования в Каталонии чем дальше, тем больше сталкивались с существенными препятствиями со стороны коммунистов из ОСПК и крестьянских организаций, поддерживавших каталонских националистов из партии «Республиканские левые», которую возглавлял президент Женералитата Компанис. ОСПК, как и Коммунистическая партия Испании, полагала, что время для социалистической революции в стране не пришло, и перед обществом стоят буржуазно-демократические задачи. Она не желала, чтобы социально-революционные действия анархо-синдикалистов оттолкнули от «антифашистского единства» буржуазные слои. По инициативе партии была образована 18-тысячная федерация союзов мелких торговцев и предпринимателей. Как пояснял позднее редактор печатного органа ОСПК П. Ардиака, «мы считали, что должен быть сохранен этот социальный класс, который может оказать ощутимую помощь экономике страны, пока не будут созданы условия для социалистической экономики и он, как класс, не исчезнет» (41). ОСПК пользовалась сильным влиянием в каталонском ВСТ и стремилась ограничить распространение «коллективизации» как в городе, так и на селе. Другим противником социально-революционных преобразований выступал Союз арендаторов (рабассейрос) – объединение крестьян-виноделов, созданное в 1922 г. и ориентированное на каталонских националистов. Входящие в него фермеры-арендаторы были наиболее характерными фигурами в сельском хозяйстве Каталонии и стремились не к

обобществлению, а к полноценной частной собственности на землю.

Исследователи отмечали, что исторически сложившиеся различия в структуре сельскохозяйственных отношений в отдельных регионах Испании нередко порождали и неодинаковую политическую позицию крестьянства. В Каталонии, Леванте и Стране басков преобладали мелкие крестьяне-арендаторы. В Галисии были распространены мельчайшие хозяйства – «минифундии». Юг, Андалусия и Эстремадура, были зонами крупных помещичьих хозяйств (латифундий), на которых работали батраки и беднейшие крестьяне. Помещичье землевладение сосуществовало с небольшими крестьянскими хозяйствами в Сарагосе, Верхнем Арагоне и районе Мадрида. Крестьяне всех этих районов традиционно тяготело к анархо-синдикалистам или левым партиям. Напротив, зоны среднего крестьянского землевладения в Леоне, Кастилии, Наварре и Нижнем Арагоне больше склонялись к поддержке консервативных сил (42).

Дальше всего зашли социальные преобразования в районах Арагона, освобожденных во второй половине 1936 г. анархистскими «милициями». Здесь давление со стороны властей ощущалось меньше, а создаваемые коллективы охватывали не только область производства, но и другие сферы жизни. Члены коллективов добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на «индивидуалов» со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения почти не было. Денежные средства богачей экспроприировались революционными комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла (43). Часто коллективы объединяли всех жителей населенного пункта или подавляющее большинство их. Впрочем, как отмечал неоднократно посещавший регион Сухи, «чем крупнее населенный пункт, тем меньше он коллективизирован. Чем меньше селение, тем глубже коммунистический дух, тем глубже укореняются новые экономические формы» (44).

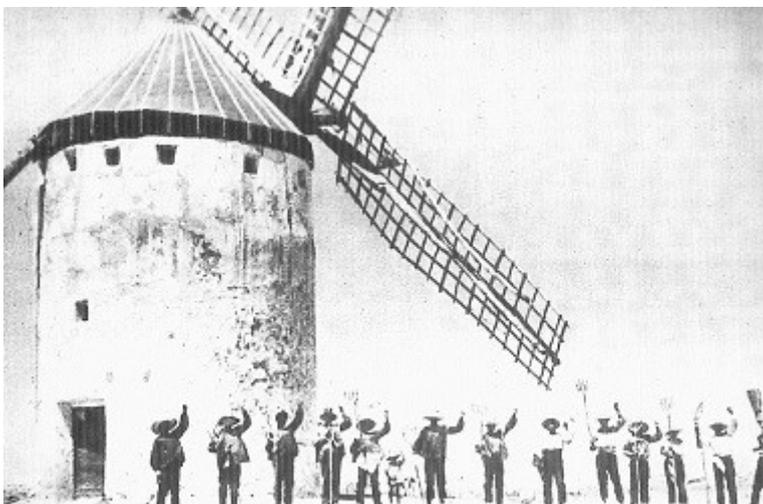
Коллективы в Арагоне создавались на общих собраниях жителей, и это движение поддерживалось профсоюзами НКТ и ВСТ, хотя степень их влияния в различных селениях была разной. В сельской местности были сильны древние общинные традиции (45), и их сохранение облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предполагалось анархо-коммунизмом. На местном и окружном уровне существовала идейная амальгама и общие представления, которые, по словам исследователя А.Р. Диэса Торре, проистекали «из двух взаимосвязанных течений: теоретической пропаганды анархо-коммунизма и общинных традиций палео-коммунизма, в духе социального братства. Эти последние... глубоко укоренились в духовном и обыденном багаже поколений... селян, благодаря таким социальным исследователям, как Хоакин Коста и его ученики, как жители Уэски Анхель Самбланкат, Рамон Асин или жители других местностей Кристобаль де Кастро, Диас дель Мораль, и тысячам учителей, мелиораторов, инженеров и аграриев... Эти анархо-коммунистические идеи настойчиво прививались

поколениями заводил, пропагандистов и публикаций всех видов, но вдохновлялись местными обществами» (46). Всего коллективистские эксперименты были зафиксированы примерно в 600 населенных пунктах Арагона, включая 450 коллективов НКТ или ВСТ. Было коллективизировано до 60% земель. Общее число членов коллективов оценивалось в 300 – 433 тысячи жителей (47). Это составляло около 70% населения региона. Предприятия ремесла и местной промышленности в арагонской деревне, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись.

Членство в коллективах было добровольным. Это было в феврале 1937 г. официально подтверждено на конгрессе коллективов в Каспе: лица, желающие вести хозяйство индивидуально, не вступая в объединение и не используя наемного труда, имели право делать это, но не должны были пользоваться преимуществами и услугами. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно (48).



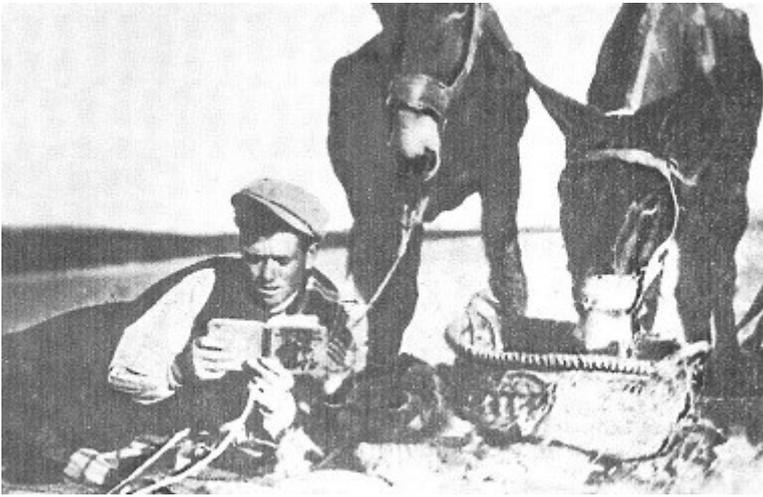
Арагон: Уборка урожая с оружием в руках



Крестьяне коллективов Арагона

Внутри коллективов отсутствовала какая-либо иерархия, все члены обладали равными правами. Главным решающим органом было регулярное общее собрание членов, которое собиралось обычно раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены – в основном, делегаты от отраслевых секций – не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член коллектива (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек, решали все основные рабочие вопросы на ежевечерних собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации (49).

В арагонских коллективах были обобществлены не только производство, но и распределение. Магазины часто располагались в бывших церквях – традиционных местах сосредоточения местной жизни. «В любом испанском селении... в глаза бросаются несколько неизменных строений, имеющих символическое значение и характерных для разных периодов нашей истории», – писал еще в 1970-х гг. испанский социолог Амандо де Мигель. Над черепичными кровлями крыш к небу горделиво возносятся замок и церковь. «Прежде всего, это замок, обычно полуразрушенный, причем часть камня от него пошла на возведение второго важного здания – церкви. Замок и церковь – символы извечного союза двух властей, господствовавших над испанскими землями, – трона и алтаря, меча и креста, символы общества, властители которого были "наполовину монахами. наполовину солдатами"» (50). Неудивительно, что «коллективисты», закрыв церкви, институт господства, открыли в этих помещениях залы для общих собраний, магазины и культурные учреждения. Сухи описывал картину, которую он наблюдал в арагонском селении Масалеон: «Крестьяне ходили в церковь больше из необходимости собираться в одном месте, где всех их объединяла общая идея... Это не изменилось в Масалеоне и сегодня. Дух остался прежним, изменились формы. Мистики католицизма больше не существует. Священники исчезли. Христианский культ прекратился. Но крестьяне не захотели разрушать готическое здание, которое величественно венчало вершину горы. Они превратили его в кафе и террасу. Излюбленное место собраний. Они модернизировали здание и установили громкоговорители... Теперь они собираются в своем коллективном доме, под высокими готическими сводами, вечером по воскресеньям» (51).



После работы в коллективе

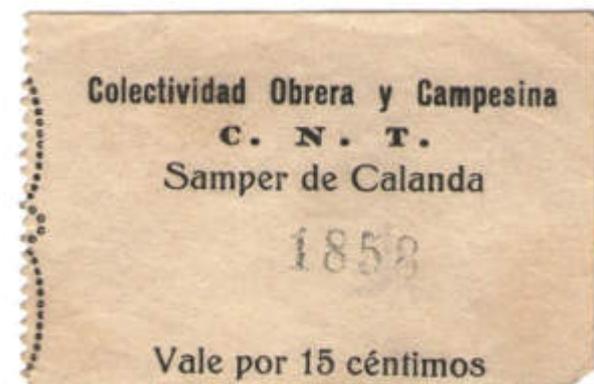


Общее собрание в арагонском коллективе

Денежное обращение в арагонских коллективах было постепенно ликвидировано. В первые недели после создания во многих из них вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это оказалось нелегким делом, тем более, что вне коллективов сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую «посемейную оплату». Каждая семья в коллективе получала равную сумму денег (в зависимости от коллектива, примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% – на его жену и еще по 15% – на каждого другого члена семьи) (52). Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В некоторых существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов в условиях войны почти повсюду рационировались, зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений (53). До последующего решения об отмене денег «в трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке», «в двух третях были приняты соответствующие заменители денег – боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах» (54).



Талон на получение хлеба, выпущенный Революционным комитетом в Блесе



Боны, выпущенные коллективом Сампер-де-Каланды



Магазин в арагонском коллективе

Первое время в деятельности отдельных общин проявлялось определенное местничество, сказывалось и стартовое неравенство коллективов: одни из них были изначально зажиточнее, другие - беднее. Как утверждал очевидец - немецкий синдикалист Сухи,

вначале некоторые выступали против идеи хозяйственного планирования под лозунгом самообеспечения (55). Полная независимость коллективов друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К этому призывали анархисты – сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути, который лично агитировал «коллективистов» (56). 14–15 февраля 1937 г. в местечке Каспе, в здании театра «Гойя» состоялся конгресс коллективов Арагона. Согласно официальным актам, в нем приняли участие 456 делегатов от 276 коллективов, представлявших 141.430 членов (57). Однако, как показал исследователь Д. Вела Севилья, к этой последней цифре надо относиться с осторожностью, потому что часть представленных коллективов назвали действительно число индивидуальных членов, а другие – число входящих в них семей (58). Впрочем, проезд на конгрессы и конференции далеко не всех местных организаций вообще было характерно для испанского анархо-синдикалистского движения.

На конгрессе было принято историческое решение о создании региональной федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу «коллективизации», создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между коллективами с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся коллективы решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общин, а также начав составлять статистику производственных возможностей (59). Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри коллективов и их федерации. В принятой резолюции говорилось: «Должна быть отменено обращение денег внутри коллективов, а вместо них создана книжка рациирования, оставив в распоряжении коллективов установление точного количества для своих внутренних нужд. С тем, чтобы региональный комитет мог осуществлять снабжение коллективов импортируемыми продуктами, коллективы или окружные комитеты предоставляют региональному комитету определенное количество денег или продукты натурой, в соответствии с богатством каждого коллектива или округа, для создания региональной кассы» (60). Таким образом, вводилась единая для всех потребительская книжка; по ее предъявлению предметы потребления выдавались бесплатно по норме, определяемой в каждом из коллективов. Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентируясь на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике «планирования снизу». Для покупок или медицинских консультаций за пределами региона членам коллективов выдавались определенные суммы в испанской валюте (61).

На обложке потребительской книжки записывались название и адрес коллектива, имя главы семьи и количество членов семьи в возрасте старше 14 лет, от 5 до 14 лет и младше 5 лет. Внутри книжки располагались страницы по неделям 1937 года; на каждой имелись колонки «предметы» и «количество», а также место, куда вписывались по дням полученные семьей продукты и предметы потребления (металлические изделия, кухонная утварь, галантерейные изделия, обувь и др.). Поскольку многие предметы потребления ввозились из-за пределов федерации, указывалась их стоимость в национальной валюте (62).



Потребительская семейная книжка, выданная в Бинефаре. Девиз гласит: "Производить согласно своим силам, потреблять согласно своим потребностям"

Наконец, на конгрессе было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под контроль непокорный Арагон. Оно настояло на включение в Совет обороны Арагона – орган, состоявший вначале целиком из анархистов – членов других партий, а в январе 1937 г. распорядилось восстановить в области муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что эти муниципалитеты не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов (63).

Деятельность арагонских коллективов оказалась весьма успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился (64). В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры – во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Жители получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами коллективов). Многие коллективы не платили налоги государству. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев властей Республики, постоянно стремившихся взять их под свой контроль.

Социальные преобразования в Арагоне осенью 1936 – весной 1937 г. можно считать наиболее масштабными и радикальными в XX столетии – как по их глубине и количеству охваченных ими людей, так и по тому, что они проводились «снизу», по воле и решению самого населения. Хотя и вынужденные сосуществовать с коалиционными органами региональной и местной власти, коллективы-коммуны Арагона сумели в значительной степени осуществить «трансформацию капиталистического общества в солидарную и справедливую систему социального сожительства» и «дали образец того, что анархистский

идеал перестал быть утопией» (65).

В Леванте (Валенсии) социальные преобразования в деревне начались с конфискации земель помещиков и сторонников мятежа. Коллективы, создававшиеся НКТ и ВСТ, организовывались преимущественно на этих захваченных землях, лишь в меньшинстве случаев крестьяне объединяли и свои участки. Однако затем, по мере бурного роста рядов анархо-синдикалистских профсоюзов в сельской местности, появились и более далеко идущие планы. 18-20 сентября 1936 г. в Валенсии состоялся региональный съезд крестьян НКТ, на котором были представлены 41.347 человек. На нем была образована Региональная федерация крестьян Леванта (Валенсии, Мурсии и Альбасете) и решено создать провинциальные и окружные федерации. Делегаты высказались за социализацию конфискованной земли, но оговорили право желающих обрабатывать свои участки собственными силами, при условии, что они не будут препятствовать социализированным хозяйствам. Избранный конгрессом комитет координировал деятельность 26 технических комиссий, занимавшихся отдельными видами продуктов, вопросами транспорта, оборудования, импорта и экспорта, строительства, здравоохранения и образования. Более нуждающимся коллективам оказывалась помощь.

Коллективы, создававшиеся НКТ в Леванте, существенно отличались друг от друга. В одних (как в Педральбе и Бугарре, где либертарный коммунизм провозглашался еще в 1933 г.) на общих собраниях утверждалась полная коллективизация, включая земли, мастерские и магазины, деньги отменялись, над ратушей поднимался флаг НКТ и устанавливался либертарный коммунизм. В других сохранялось индивидуальное землепользование и торговля, а коллективизация оставалась частичной и ограниченной по охвату и масштабам. Было налажено взаимодействие с индивидуальными крестьянами через совместные комиссии. В большинстве коллективов обращение денег отменялось, а семьи получали необходимые им продукты или деньги для внешнего использования (по количеству членов семей). В других деньги имели второстепенное значение. Все коллективы имели свои школы; для членов были открыты два «университета» – в Валенсии и Мадриде. Проводились работы по усовершенствованию методов обработки земли, растениеводства и др. (66)

Особую значимость аграрным коллективам Леванта придавало то обстоятельство, что в этом регионе собиралось до 80% апельсинов, одного из основных предметов испанского экспорта (Испания занимала первое место в мире по вывозу апельсинов) (67). Крестьянские организации и Единый синдикат обратились с воззванием к крестьянам, занятым в производстве апельсинов и иных плодов, которые служили одним из основных источников иностранной валюты. Ситуация, когда каждый населенный пункт или синдикат самостоятельно занимался экспортом и распоряжался полученными средствами, и между ними развивалась конкуренция, была названа «печальной». Синдикаты призвали создать «центральный орган», общий фонд продукции и фонд взаимопомощи, контролируемые самими крестьянами (68).

В последующем удалось объединить около половины производства апельсинов; до 70% урожая направлялись через ее торговую организацию на европейские рынки (69). В октябре 1936 г. Единый региональный синдикат фруктового экспорта НКТ и Синдикат трудящихся, экспортеров и смежных профессий ВСТ создали общую организацию – Объединенный

левантийский совет по сельскохозяйственному экспорту (КЛУЭА). в него вошли представители крестьян, портовых рабочих, административных работников, специалистов по экспорту, банковских служащих, провинциального секретариата, железнодорожников, водителей грузовиков, комиссионеров, работников морского транспорта и упаковщиков. Возглавлял совет делегат Комиссии по сельскому хозяйству, промышленности и торговли Валенсии. КЛУЭА занимался скупкой (через местные отделения – советы) апельсинов, собранных коллективами, кооперативами и индивидуальными крестьянами, и их экспортом. Несмотря на сравнительно успешную работу, эта организация вызывала недовольство как республиканских властей, стремившихся взять под контроль доходы от экспорта, так и коммунистов, создавших собственную Провинциальную крестьянскую федерацию и требовавших свободы экспорта для своих кооперативов (70).

В Андалусии, традиционном центре влияния анархистов, размах коллективизации ограничивался тем, что большая часть региона с самого начала войны попала в руки мятежников. Но в зоне, оставшейся под контролем Республики, сельскохозяйственные рабочие, батраки и крестьяне-арендаторы захватили помещичьи латифундии и создали свои коллективы. Помощь им оказывали анархистские «милиции», такие как колонна Марото (71). Некоторые из коллективов находились под влиянием НКТ, другие – ВСТ, третьи были «смешанными». Существовали даже коллективы, образованные членами компартии.

Как и повсюду в Испании, эти объединения выглядели по-разному. Во многих был установлен либертарный коммунизм: так, например, в Кастро-дель-Рио жители отменили деньги и обмен, распустили муниципалитет, заменив его комитетом, обобществили землю, но каждая семья продолжала трудиться на отдельном участке. В части коллективов, после первоначального перехода к либертарному коммунизму, через несколько месяцев отошли от этого принципа, как в Иснальосе. Во многих, как, например, в провинции Хаэн, сохранялось денежное обращение, хотя и там оно было отменено в самом крупном коллективе, захватившем 30 тысяч гектаров помещичьей земли. В сентябре 1936 г. региональный комитет НКТ в Малаге создал подкомитет по развитию, координации и защите сельскохозяйственной экономики, который помогал в организации коллективов, а в июле 1937 г. на конгрессе в Гуадиксе была образована Региональная крестьянская федерация Андалусии во главе с Антонио Росадо, взаимодействовавшая с региональным комитетом НКТ по экономике. Она, в частности, координировала обмен с соседним регионом Леванта (72).

Еще одним районом, где развилась сельская коллективизация, стала Кастилия. Коллективы там создавались как отдельно членами НКТ и ВСТ, так и совместно. По своей структуре и функционированию они не слишком отличались от объединений в других регионах, а в апреле 1937 г. на конгрессе в Мадриде возникла Региональная федерация крестьян Центра (73).

В целом, можно отметить, что социальные преобразования в испанской деревне начинались чаще всего стихийно и шли поначалу нескоординировано, без какого-либо общего решения или типовой «модели», что определялось «подвешенным» состоянием самой революции. В зависимости от местной ситуации, возникавшие коллективы варьировали по своей форме от либертарной коммун до кооператива, со множеством промежуточных вариантов. Современники сознавали, что такая хаотичность может создать проблемы. Сухи

рассказывал о своей беседе с врачом в арагонском коллективе Альбалате-де-Синка: беспартийный доктор объяснил гостю, что с этической точки зрения и «с точки зрения социальной справедливости, либертарный коммунизм превосходит капитализм», но «его трудности состоят в отсутствии единства. В городах деньги сохранили, на селе их в большинстве случаев отменили. Многие селения выпустили свои собственные, местные деньги. Это очень непрактично. Если деньги отменяются, то это должно быть проведено по всей стране» (74). Но как раз этого и нельзя было сделать, поскольку анархисты считались со своими антифашистскими «союзниками».

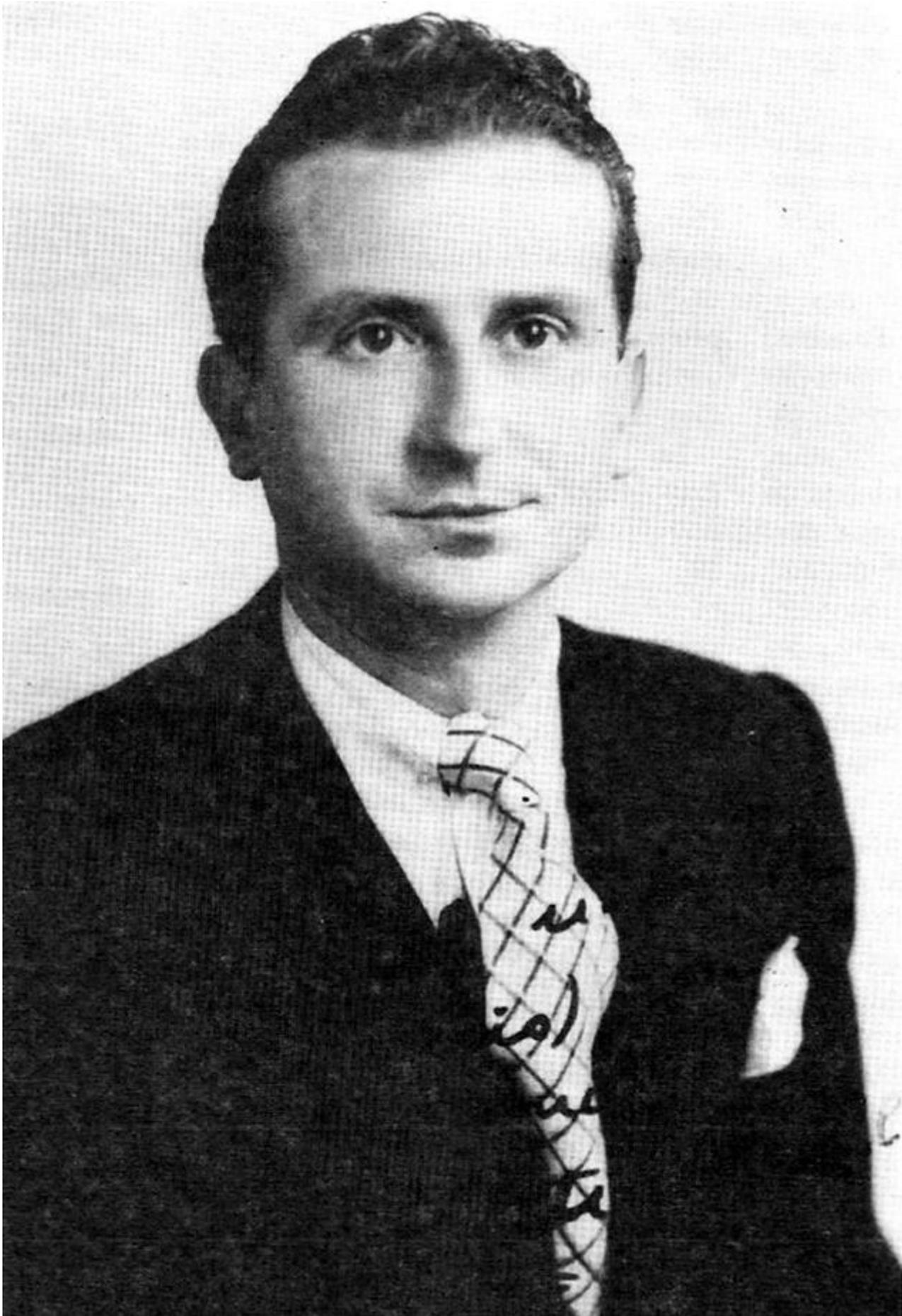
Тем не менее, общий размах движения можно, без преувеличения, назвать огромным. Суммарное число коллективов и число их членов, называемые различными исследователями, сильно расходятся, в том числе и потому, что эти цифры неоднократно менялись в ходе войны. Российский исследователь А.Фёдоров, который попытался обобщить данные, содержащиеся в работах Г.Леваля, Р.Александера, В. Бернеккера, Ф. Минтца, Х. Касановы, приводит значительный разброс числа созданных коллективов: от 300 до 450 в Арагоне, от 60 до 400 в Каталонии, от 350 до более 900 в Леванте, от 240 до 450 в Кастилии, от 120 до 900 (?) в Андалусии, от 30 до 120 в Мурсии, около 100 в Кантабрии и около 30 в Эстремадуре, с общим числом 1,8 – 3 млн. членов (75). При этом следует, однако, иметь в виду, что отнюдь не все их этих коллективов создавались членами НКТ и ФАИ.

Не менее впечатляющей, чем перемены в социально-экономической области, была культурно-образовательная работа испанских анархистов. Они были убеждены, что настоящую, освободительную социальную революцию люди смогут сделать только осознанно, руководствуясь не только неприятием старого мира, но и представлениями о свободном и справедливом обществе. Для этого необходимо было не только новое, либертарное сознание, но и практика иных социальных взаимоотношений в повседневной жизни, новая этика, новая культура, новая сексуальность. Если они не сформируются до совершения акта свержения институтов власти и собственности, то прежние механизмы и инструменты господства сохранятся и станут воспроизводиться.

«Верить, будто насильственная революция, как молния с неба обрушивающаяся на общество, сможет взорвать прежнее угнетение и создать новое, более свободное положение вещей, является плодом чрезвычайной наивности, – утверждал, например, авторитетный врач-анархист и пропагандист сексуальной революции (задолго до бурных 1960-х гг!) Феликс Марти Ибаньес (1913–1972). – Это было бы принятием старого понимания истории, которая сама помышляла себя в романтическом стиле – как история героев и вождей, завоеваний и революций. Однако же если судить спокойно, то история проявляется в научном плане как коллективная история труда, в которой на смену романтическим партизанам приходят народы и коллективы, а революции заменяются творческой эволюцией.

Именно в этот эволюционный цикл, словно стеклянные бусины на нитке, вплетаются революционные процессы. Под этим я подразумеваю подлинные революционные процессы, полные значимых последствий – такие, которым предшествовал эволюционный пролог. Другие революции, которые не опирались на предыдущую историческую подготовку; революции, выросшие спонтанно, не пройдя длительного процесса внутреннего брожения,

остались эпизодами насилия, так и не приведя к каким-либо серьезным последствиям» (76).



Важнейшими средствами распространения новых идей и нового образа жизни, основанного на либертарных ценностях, испанские анархисты считали агитацию и образование. Анархистское движение издавало рекордное количество журналов, газет и популярных брошюр. В составленном Франсиско Мадридом каталоге анархистской и анархо-синдикалистской прессы Испании, который охватывает период со времени Первого Интернационала до 1939 г., значатся 507 изданий за 1869–1923 г., 48 – за время диктатуры 1923–1930 гг., 130 – начавших выходить за 1930–1936 гг. и 178 – начавших выходить с 19 июля 1936 г. до падения Республики (77). Тираж некоторых изданий еще до революции 1936 г. доходил до многих десятков тысяч экземпляров (78). По словам Левалья, «во всей этой прессе беспрестанно выражались одни и те же цели. В то время как в других странах и в иные периоды борьбы на первый план выдвигались лишь критика, простые непосредственные требования, разоблачение социальных бедствий – вплоть до чистой ругани, здесь всегда повторялись цели и конструктивные идеи» (79).

Однако далеко не до всех испанских трудящихся могло дойти печатное слово. Даже в 1940 г. 42,35% населения страны оставались неграмотными (80). Особенно высок был процент не умеющих читать и писать среди самых бедных слоев населения, крестьян, женщин... В этих условиях особое значение приобретали устная агитация и сфера образования.

В таких областях, как Арагон и Андалусия, анархисты вели агитацию среди сельского населения на протяжении многих десятилетий. «Поскольку повсюду, куда они приходили, то есть в самые отсталые местности, – свидетельствовал Леваль, – наши товарищи участвовали в полевых работах, приносили передовые технические знания и учили читать детей, таким образом живое послание [анархизма – В.Д.] проникало в социально отсталую сельскую местность» (81). Сухи описывал историю анархиста из арагонского села Муньеса, который долго работал в Барселоне, а затем вернулся в родное село и познакомил крестьян с либертарными идеями. Под его влиянием односельчане организовали коллектив – вольную коммуну. «На столе лежало испанское издание книги Кропоткина “Хлеб и воля”. По вечерам члены коллектива собирались, и один из них читал книгу вслух. Это было новое Евангелие» (82).

Вплоть до установления Республики официальное школьное образование в Испании находилось в ведении католической церкви и призвано было воспитывать детей и молодежь в клерикально-монархическом духе. У истоков настоящей «школьной революции» в стране стоял великий педагог-анархист Франсиско Феррер-и-Гуардия (1859–1909). В 1901 г. ему удалось основать в Барселоне независимую «Современную школу», которая быстро стала примером для других учебных заведений. Школа Феррера строилась на принципах либертарной педагогики, ориентируясь на индивидуальные особенности каждого ученика. Мальчики и девочки обучались вместе. В школу «принимали детей с 5 до 12 лет, независимо от пола и материального положения, – отмечает историк Д.Рублёв. – За обучение взималась небольшая плата, но ее размеры изменялись в зависимости от материального положения родителей ученика. В итоге, бедняки платили столько, сколько позволяли их средства. Их [учеников, – В.Д.] распределяли по классам в зависимости от уровня знаний. Феррер отказался от применения наказаний в учебно-воспитательном процессе. Отсутствие

принуждения отчасти способствовало установлению дружеского общения между преподавателями и учениками. Чтобы не вызывать конкуренцию между детьми, учителя отказались и от оценок. Традиционному разделению образования на начальное среднее и высшее Феррер противопоставил идею "всестороннего воспитания" – единой школы. "Современная школа" давала ребенку образование, сочетавшего в себе элементы начального, среднего и профессионального. При школе работали мастерские, где детей по их желанию обучали ремеслам, полезным в будущем. Обучение в школе продолжалось 4 года. Центральное место в обучении занимали естественные науки. Мистические и вообще любые сверхъестественные объяснения каких-либо явлений не допускались. Занятия состояли из бесед преподавателя с учениками, наглядных уроков и образовательных прогулок (на природу, на фабрики и т.д.). Целью таких прогулок было развитие у детей интереса к самым разнообразным вещам и явлениям, склонности к наблюдениям и умозаключениям. Уроки служили средством систематизации знаний, полученных в ходе практических занятий в мастерских, на экскурсиях и прогулках. Детей знакомили с фактами из газет и журналов, отражающими состояние общества, приводили в доступной им форме самые разные точки зрения на социальные и другие проблемы. В школе проводились лекции и для взрослых» (83).



Франсиско Феррер

Хотя учебники для школы Феррера писали ведущие ученые и видные анархисты, обучение отнюдь не ставило задачу анархистской идеологической индоктринации. Оно призвано было пробуждать в детях дух свободы и критическое сознание. «Мы также не должны уступать наше образование политике, потому что мы должны воспитывать личность, полностью владеющую своими способностями, а политика подчиняет их другим людям, и, точно так же, как религии подчиняют их божественному духу, порождая этим все злоупотребления власти и препятствуя человеческому освобождению, так и политические системы препятствуют ему, приучая людей ждать этого освобождения от высшей воли, от энергий предполагаемого высшего порядка, от тех, кто по традиции или по профессии осуществляет функции правителей, – писал Феррер. – Показывать детям, что пока один человек зависит от другого, будет осуществляться все злоупотребления властью, тирания и рабство, изучать причины народного невежества, понимать происхождение всей рутинной практики, на которой держится нынешний режим, исключая солидарность, направлять размышления учеников на все, что лежит перед нашими глазами, такова должна быть программа рационалистических школ» (84).

Рабочие организации оказали энергичную поддержку созданию «ферреровских школ». К 1907 г. действовало уже 47 таких заведений с 1700 учениками. Церковь подвергала это движение самой ожесточенной травле, и власти казнили педагога в 1909 г., обвинив его в организации всеобщей забастовки и восстания в Барсероне против колониальной войны Испании в Марокко. Тем не менее, создание новых школ не прекратилось: к концу 1909 г. их было уже 209; аналогичные школы создавались анархистами и рабочими союзами по всему миру (85). «Рационалистических школы» распространились даже на испанскую глубинку. Так, анархист Виктор Бланко из арагонского селения Алькампель вспоминал, что еще в 1909 г. к ним приехал друг Феррера, педагог Мануэль Нуньес, который открыл школу, просуществовавшую до 1919 г. В 1932 г. в селе открылась новая «ферреровская школа», которую власти закрыли после анархистского восстания в декабре 1933 г. (86)

НКТ всегда высказывалась в поддержку «рационалистических школ» и неоднократно принимала соответствующие резолюции, а входящие в нее синдикаты оказывали помощь создавать такие учебные заведения. Новый импульс развитию движения придало открытие «Рационалистической школы Сантса» в рабочем квартале Барселоны в 1919 г.; в ней сотрудничали, в частности, анархисты Жоан Роиже (активист НКТ) и Хуан Пуиг Элиас. Многие из школ создавались в 1920-е гг. по инициативе таких анархистских культурно-образовательных проектов, как «либертарные атенеумы», которые занимались организацией библиотек, лекций, дискуссий, выставок и других культурных мероприятий. После провозглашения Республики число «атенеумов» существенно выросло; они объединялись в федерации и помогали открывать «рационалистические школы».

Активную культурно-просветительскую работу вели и группы «Либертарной молодежи». Они устраивали лекции, выставки, конференции, экскурсии на природу, открывали народные школы, распространяли тексты и брошюры, стремясь повысить образовательный уровень рабочей и крестьянской молодежи (87).

Падение монархии и начало революции в июле 1936 г. вызвали настоящий взрыв в педагогической работе испанского анархизма. В одной только Барселоне появилось более 40 новых школ.

27 июля 1936 г. в Барселоне был образован Совет новой объединенной школы (СЕНУ), который был призван осуществить преобразование школьной системы в республиканском духе. В него вошли как анархо-синдикалисты, так и другие течения Республики. Руководство состояло из членов НКТ, ВСТ и Женералитата, но наиболее активную роль в нем играли педагоги-анархисты Х.Пуиг Элиас и Мигель Эскориуэла. СЕНУ получил фактически монопольное право на организацию системы образования в Каталонии. Он конфисковал на школьные нужды здания церквей и монастырей, провел чистку учителей, симпатизировавших правым и фашистским взглядам, создавал новые школы. Государственная школьная система в регионе была перестроена на рационалистической основе; образование было бесплатным; мальчики и девочки учились вместе; в преподавании обращалось внимание на необходимость автономии и развития способностей учеников. Однако идейно-нейтральная ориентация СЕНУ вызывала недовольство со стороны многих анархистов (88).

Параллельно с СЕНУ, в Каталонии работали около 100 «рационалистических школ» НКТ. Вопрос о возможности их вступления в Совет обсуждался 8-9 октября 1936 г. на конгрессе по вопросам культуры, который был организован НКТ и ФАИ. Руиг Элиас подвергся критике, и почти все анархистские школы высказались за сохранение независимости и активизацию действий по созданию новых школ. В июле 1937 г. они объединились в Региональную федерацию рационалистических школ, генеральным секретарем которой стал активист «Либертарной молодежи» Бенхамин Кано Руис (1908–1988) и приступили к созданию «Нормальной школы» для подготовки рационалистических учителей. Вместе с ними действовали 25 барселонских «либертарных атенеумов» (не считая тех, которые существовали в других районах Каталонии) и группы «Либертарной молодежи». Последние захватили в ходе июльских боев здание монастыря и превратили его в Институт свободного образования, посещавшийся ежедневно 500 юношами и девушками. Кроме того, в школе активистов НКТ-ФАИ читались курсы по литературе и журналистике и велось обучение ораторскому мастерству. Активную культурно-просветительскую работу вели «Свободные женщины» (89).

В Арагоне к июлю 1936 г. имелись «рационалистические школы» анархистского типа в Торреро, Уэске, Сарагосе, Алькампеле, Кретасе, Ла-Фреснеде и Вальдерробресе; после начала революции открылись школы в Венсильоне и ряде других селений. В целом, особые анархистские школы не получили большого развития, однако школы, организованные в арагонских коллективах так или иначе были во многом ориентированы не только на модель каталонского СЕНУ, но и на «Современную школу» Феррера. Однако либертарное влияние ощущалось и в государственных школах региона, поскольку за образование в Совете обороны Арагона отвечал член НКТ. Ф.Карраскер разработал проект создания «Нормальной школы» для подготовки учителей; он был передан в Совет Арагона, но так и реализован. Трудности вызывала нехватка учителей; многие молодые педагоги сражались на фронте. По предложению Региональной федерации коллективов, открылись детские сады в Андорре, Каланде, Кретасе, Мас-де-лас-Матасе, Навале и Рубинелос-де-Мора. В Алькорисе был создан Институт среднего образования имени Ф. Феррера, в котором также велось профессионально-техническое обучение. Совет Арагона взял в свои руки также Институт среднего образования, существовавший до войны в Каспе.

Федерация коллективов Арагона способствовала открытию целого ряда профессионально-технических учебных заведений, таких как Школа профессиональной подготовки автотранспортного коллектива Альканьяса, Мастерская женского профессионального обучения в Пеньяльбе (готовила работниц по пошиву одежды), Школа активистов в Монсоне (давала агротехническую подготовку, с анархо-синдикалистской ориентацией) и др. «Либертарная молодежь» организовала библиотеки в Алькорисе, Бинаседе, Каланде, Фраге, Мас-де-лас-Матасе, Масалеоне и Олиете, а также курсы чтения и письма для взрослых в Альканьясе, Бинефаре и Кастельсерасе. Коллективы создали библиотеки в Бальоваре, Бинефаре и Граусе. В Монсоне работала Школа матерей, открытая «Свободными женщинами». Театральные группы существовали в Бинаседе, Барбастро, Бинефаре, Каспе, Альканьясе, Алькорисе, Кретасе, Монсоне и Пеньяльбе. В Граусе работала Школа искусств. Кроме того, анархистские активисты проводили публичные чтения литературы и газет, поэтические выступления, экскурсии (90).

В Леванте ряд «рационалистических школ» был открыт коллективами. Активную роль в развитии либертарного образования в регионе сыграл учитель-анархист И.Ноха Руис (1896–1972). Практически по всему Леванту работали «либертарные атенеумы» и культурные группы, созданные синдикатами, «Либертарной молодежью» и «Свободными женщинами». В Патерне федерация коллективов создала школьный центр, служившие одновременно профессиональным училищем и школой активистов. В Кастилии действовали «атенеумы» и «рационалистические школы» в Мадриде, Гвадалахаре, Сьюдад-Реале Толедо. Синдикат образования мадридской НКТ разработал различные либертарные образовательные проекты, начиная со школы "Хардин" и заканчивая университетом и планом реорганизации высшего образования. В Андалусии «рационалистические школы» и культурные центры были открыты в коллективах Бухалансе, Эспехо и др. В Астурии, по инициативе учителя-анархиста Э.Кинтанильи, возник ряд «атенеумов», школ и культурных групп. В Кантабрии энергичную просветительскую работу вела «Либертарная молодежь» (91).

Анархисты широко использовали художественный и пропагандистский потенциал киноискусства. Среди либертарииев, работавших в киноискусстве еще до революции, особенной известностью пользовался Арман Герра (Хосе Мария Эстивалис Кальво, 1886–1939), в молодости участвовавший в анархистском движении, а с 1913 г. снимавший кино в различных странах мира. В 1932 г. он вернулся в Испанию, а накануне июльских событий 1936 г. приступил к съемкам социального фильма «Мясо хищников» о семье, усыновившей уличного мальчишку. Заканчивать кино ему пришлось уже после перерыва в ходе гражданской войны.

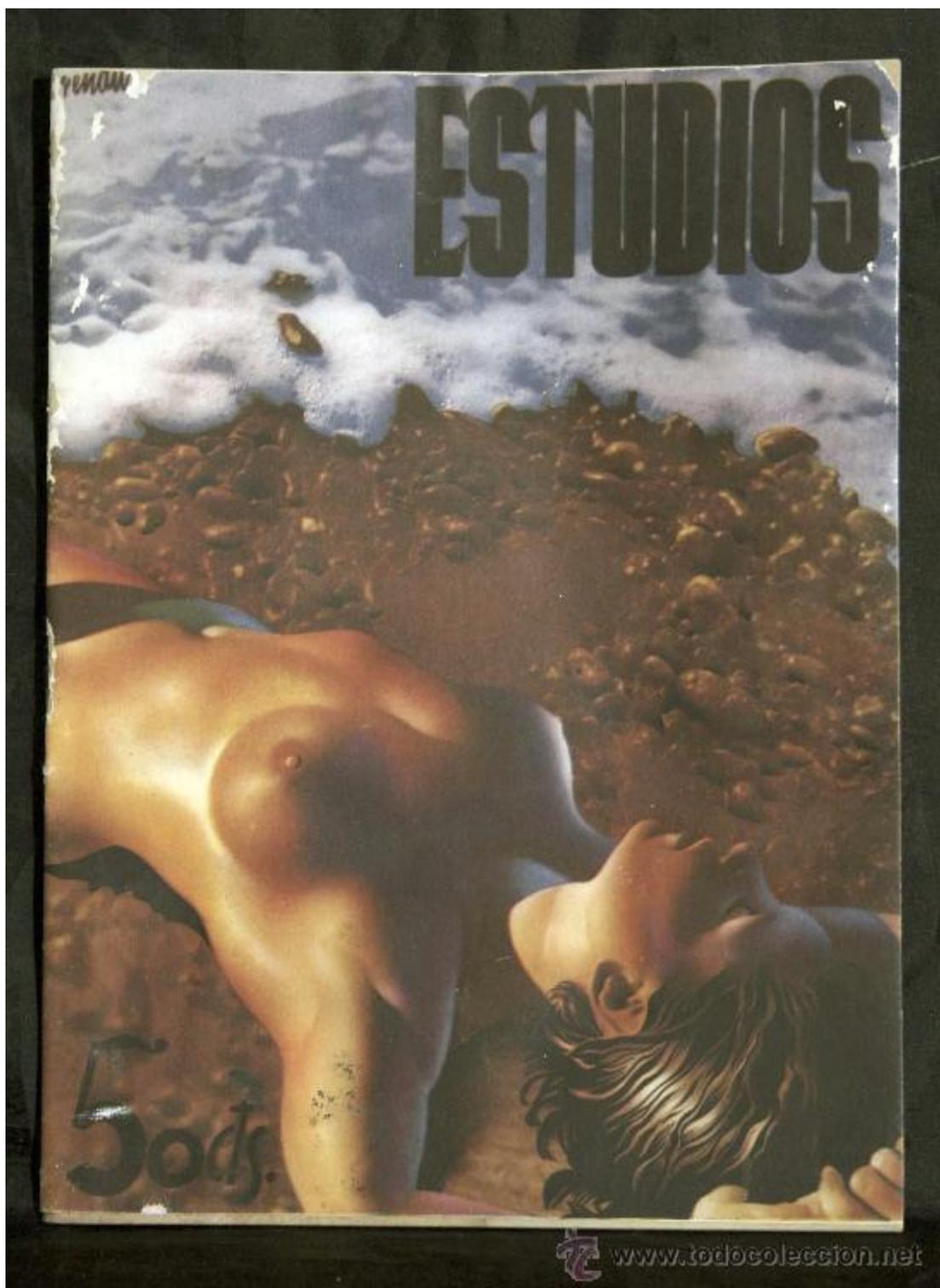
Уже с начала августа 1936 г. киноотрасль в Каталонии была социализирована Единым синдикатом публичных зрелищ НКТ. Первым выпущенным фильмом стала документальная лента Матео Сантоса «Репортаж о революционном движении», снятая на улицах Барселоны 19-23 июля. Позднее он же, по поручению анархо-синдикалистских профсоюзов, снял документальный фильм «Барселона работает для фронта», посвященный коллективизированной экономике города. В октябре 1936 г. был основан первый комитет по кинематографическому производству (Синдикат производства зрелищ), приступивший к съемке социального кино, ставшего фактически предшественником неореализма. Позднее в Мадриде ФАИ организовала киностудию «Спартакс-фильм».

Первым выпущенным художественным фильмом стала лента «Заря надежды» Антонио Сау, в котором повествовалось об эксплуатации, надеждах и борьбе рабочего класса. «Нижние кварталы» Педро Пуче (1937) рассказывает о жизни портовых рабочих и одновременно затрагивает такие острые темы, как проституция и наркомания – объекты неустанной социальной критики со стороны анархистов. Самым ярким и искрометным фильмом коллективизированной киноотрасли явилась музыкальная комедия «Наш виновник» (1938), снятая режиссером Фернандо Миньони при поддержке НКТ в Мадриде. Герой ленты попадает в тюрьму, ограбив банкира, и этот сюжет служит для разоблачения власти, капитала и судебной системы. НКТ сняла и другие художественные фильмы: «Не хочу... не хочу!» Фрасиско Элиаса (1938), «Каин» (не окончен), «Пакете, общественный фотограф номер один» Игнасио Икино, ряд развлекательных лент.



Первостепенное значение в условиях войны приобретала военная документалистика – репортажи о войне и тыле, пропагандистские фильмы и киножурналы («Моменты Испании»). Эти работы рассматриваются специалистами как предшественники военного кино Второй мировой. В снятых лентах запечатлены колонна Дуррути, крестьянские коллективы («Кастилия освобождается» Адольфо Аснара), жизнь тыла («Так победим» Фернандо Рольдана), зверства бомбардировок (ленты «Преступники» и «Черные крылья») и т.д. Группа, созданная Арманом Геррой, сняла три документальных фильма «Лики войны» (не сохранились). Интересна оригинальная музыкальная лента Валентина Гонсалеса «Мы такие!» (1937), в которой снялись дети, учившиеся в барселонской школе танца. В фильме рассказана история мальчика из богатой и реакционной семьи, который был спасен друзьями – детьми трудящихся (92).

Анархисты стремились не только распространить знания и убедить людей в справедливости, красоте и осуществимости своего идеала. Они отдавали себе отчет в том, что перемены в сознании невозможны без параллельного изменения самого образа жизни людей, их взаимоотношений друг с другом в повседневном существовании. Либертарики Испании и других стран с XIX столетия пропагандировали и практиковали свободную любовь, партнерские семейные отношения, эмансипацию женщины, восстановление гармонии с природой, планирование семьи и рождаемости, здоровый образ жизни. О месте и значении этих тем в культурной работе испанского анархизма свидетельствует уже то, что журнал «Эстудиос», на страницах которого они поднимались, был самым многотиражным и читаемым из всех анархистских изданий Испании.



Обложка одного из номеров "Эстудиос"

Журнал начал выходить в 1923 г. в Алькое под названием «Хенерасьон консьенте» («Сознательное поколение»). С 1925 г. он издавался в Валенсии, с 1929 г. сменил имя на «Эстудиос» и печатался до 1937 г. В задачи журнала входило распространение и популяризация знаний о рациональной, свободной, здоровой и счастливой жизни; он вел агитацию за сексуальное просвещение, планирование рождаемости («неомальтузианство») (93), здоровый образ жизни ради рождения здорового потомства («евгенику») (94) и освобождение женщины. На его страницах выступали со статьями виднейшие представители анархистского и анархо-синдикалистского движения (такие как Оробон

Фернандес, Ф.Ариас, Абад де Сантильян, Леваль, Роккер, А.Гарсиа Бирлан, Хан Ринер и др.), либертарные педагоги (Антония Маймон, Ноха Руис), врачи-анархисты (Пуэнте и Марти Ибаньес, которые также вели рубрики, посвященные консультациям по психологическим и сексуальным вопросам) и др. При журнале действовал распределитель книг (более 1000 наименований) и издательство («Библиотека» журнала). Это последнее выпускало коллекции популярных брошюр («Вчера, сегодня и завтра», «Полезные знания по интегральной медицине», «Антология супружеского счастья» и т.д.), среди которых были работы врачей Пуэнте, Р.Ремартинеса, Марти Ибаньеса, Э.Ариаса Вальехо и др. (95) Можно представить себе, как шокировали консервативные и клерикальные круги многие обложки и иллюстрации в анархистских журналах, изображавшие красивые обнаженные человеческие тела и пропагандировавшие широко распространенные в испанском анархизме (особенно, в группах «Либертарной молодежи») идеи и практику «натуризма» и нудизма! Как отмечал один из биографов Пуэнте, «"Хенерасьон консьенте" и "Эстудиос" являют собой яркий пример егенического идеала культа красоты и здоровья, заботы о чистоте и гигиене, постоянного обличения (в стихах, пьесах, брошюрах и т.д.) алкоголизма и "близнецов" проституции и сифилиса как основных причин вырождения» (96).

Программа преобразований в области сексуальности и эмансипации женщин была сформулирована на страницах «Эстудиос» Пуэнте (писавшим под псевдонимом «Сельский врач»): «сексуальное просвещение»; «ликвидация проституции»; «борьба с венерическими болезнями; распространение средств профилактики инфекций заболеваний, передающихся половым путем»; «партнерский брак»; «развод»; «сексуальная свобода женщин»; «контроль над рождаемостью»; «религиозная детоксикация секса» (97).



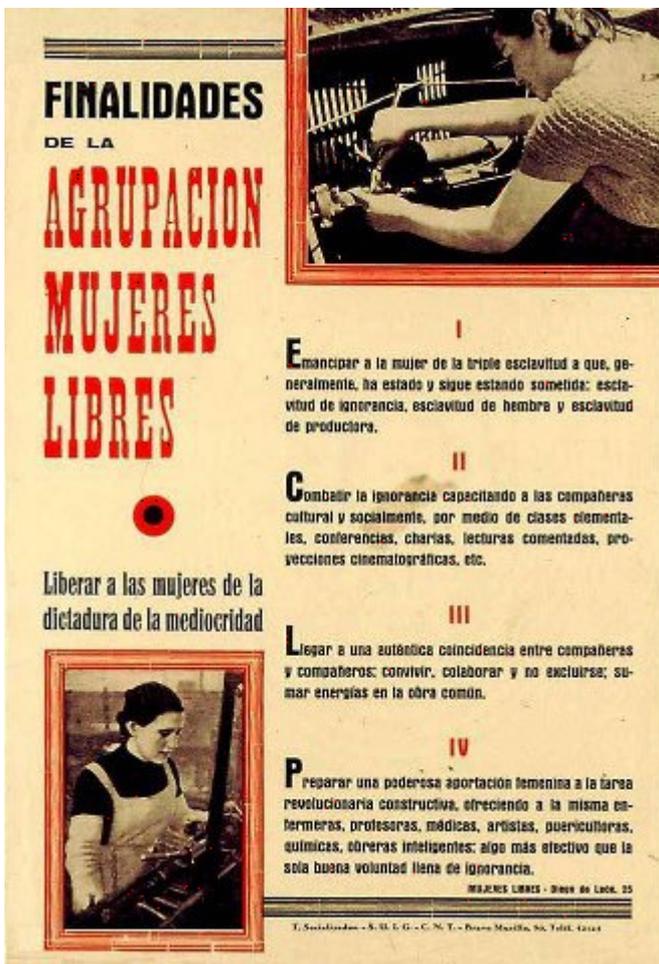
Исаак Пуэнте

После июля 1936 г. проведение в жизнь отдельных пунктов этой далеко идущей программы, во многом предвосхитившей «сексуальную революцию» второй половины XX века, могло быть существенно ускорено. Так, наконец, было удовлетворено старое требование женского движения, которое еще в XIX веке выдвигалось такими анархистками, как Тереса Клараунт (1861–1931) и Тереса Манье (Соледад Густаво, 1865–1939), – о легализации аборт. Соответствующие декреты были приняты 25 декабря 1936 г. Женералитатом (по инициативе Марти Ибаньеса, занявшего пост генерального директора по здравоохранению

и социальной помощи), а 13 января 1937 г. – и центральным правительством Республики (по предложению Ф.Монтсени) (98). Распространилось заключение браков, которые санкционировали не церковь и государство, а представители профсоюзов и партий. Интересно, что вступление в такие свободные союзы обычно сопровождалось торжественными церемониями, при которых сохранялась атмосфера праздника, очищенного от клерикального содержания. Уже 17 августа 1936 г. Женералитат выпустил декрет о временном признании подобных союзов, вплоть до их предполагаемого официального юридического утверждения (99).

В попытках добиться искоренения проституции, которую анархисты объясняли нищетой, необразованностью и униженным положением женщины, был закрыт ряд публичных домов. Однако повсеместное проведение такой меры натолкнулось на разногласия в республиканском лагере. Резко и решительно вели кампанию против проституции группы «Либертарной молодежи». В декларации принципов Иберийской федерации либертарной молодежи (ФИХЛ) проституция называлась «самым позорным и деградирующим унижением», какому общество подвергает человеческое сознание, обрекая женщину в «объект купли-продажи» и попирая «этическое и моральное чувство людей, материнское чувство и женскую любовь» (100). В то же время, некоторые предлагали довольствоваться установлением общественного контроля над проституцией с тем, чтобы ограничить распространение венерических заболеваний, а Ф. Монтсени считала невозможным справиться с проблемой методами запретов и декретов (101).

Особую роль в борьбе за эмансипацию женщин в период Испанской революции играла анархистская организация «Свободные женщины». Она была создана в апреле 1936 г. в результате объединения барселонской и мадридской групп женщин-анархисток. Наиболее заметными активистками выступили поэтесса Лусиа Санчес Саорниль (1895–1970), журналистка и киноработник Мерседес Комапосада Гильен (1900–1994) и врач Ампаро Поч-и-Гаскон (1904–1966). Число членов быстро выросло до 20 тысяч; в организации состояли преимущественно рабочие и крестьянки (102). Первый конгресс «Свободных женщин» в августе 1937 г. в Валенсии утвердил структуру организации: она состояла из местных, провинциальных и региональных групп. Национального комитета и подкомитета с 6 секретариатами. Объединение воспринимало себя как чисто анархистское, понимало войну как социальную и выступало с позиций освобождения женщин от тройного гнета (невежества, классового и как женщины). Оно добивалось равенства полов, предпочитало замену брака свободной любовью и групповым воспитанием детей, вело активную культурно-просветительскую работу, создав институты в Мадриде, Валенсии и Барселоне, издавая листовки и брошюры, организуя кампанию против неграмотности и т.д. «Свободные женщины» отказались объединиться с Ассоциацией антифашистских женщин, которая находилась под влиянием коммунистов, а на пленуме Испанского либертарного движения безуспешно пытались добиться признания в качестве равноправной четвертой ветви анархистского движения Испании (103).



Плакат "Цели Объединения Свободные Женщины"

Активистки организации мотивировали ее создание не желанием отделиться от мужчин и противопоставить женские проблемы – мужским, а стремлением заинтересовать анархистское движение нуждами и чаяниями трудящихся женщин, привлечь больше женщин в анархо-синдикалистские профсоюзы и анархистские группы и вместе бороться за всеобщую эмансипацию. Для обретения реального социального равноправия между мужчинами и женщинами, «Свободные женщины» старались способствовать интеллектуальному и профессиональному развитию женщин и включить в эту борьбу возможно больше мужчин. Группы занимались созданием школ, где женщины учились читать и писать, организовали уроки сексуального воспитания для женщин, Институт – курсы по всеобщей культуре, социальной истории, экономике и праву, через которые прошли тысячи женщин в разных регионах страны. Вместе с членами «Либертарной молодежи» и синдикатами НКТ, проводились фестивали и другие культурные мероприятия, сборы от которых шли затем на создание школ и библиотек, издание брошюр. Уделялось внимание и физическому развитию женщин, обучению нормам гигиены, ухода за детьми и т.д.

Свой вклад внесли «Свободные женщины» в борьбу за ликвидацию проституции. Они открывали специальные «либератории» – центры реабилитации для женщин, которые хотели бросить занятие проституцией и освоить другую профессию. Планировалось создание Института сексуальных наук ... (104)

- (3) Prudhommeaux A. et D. L'Espagne libertaire. Bordeaux, 1974. P.20-21.
- (4) Souchy A. Nacht über Spanien. Grafenau, 1987. S.98-99.
- (5) Peirats J. Les anarchistes espagnols. Toulouse, 1989. P.100.
- (6) Souchy A. Nacht über Spanien... S.107-108.
- (7) Leval G. Das libertäre Spanien. Hamburg, 1976. S.219.
- (8) Abad de Santillan D. Zwischenbilanz der Revolution // Abad de Santillan D., Peiro J. et al. Ökonomie und Revolution. Wien, 1986. S.196-197, 198.
- (9) Подробнее см.: Leval G. Das libertäre Spanien... S.215-272.
- (10) Castells Duran A. Las colectivizaciones en Catalunya (1936-1939) // Solidaridad obrera. 2010. Número especial. Centenario de la CNT. P.18-19.
- (11) Souchy A. Nacht über Spanien... S.125-126.
- (12) Santacana C. Poder local i canvi socioeconòmic: L'Hospitalet de Llobregat (1936-1939) // Identitas. Revista del Museu de l'Hospitalet. 1987. No.0. Tardor. P.16-27.
- (13) Peirats J. La CNT en la Revolucion Española. T.1. Cali, 1988. P.328-332.
- (14) Menéndes Molist A. Les col·lectivitzacions d'empreses durant la guerra civil a Catalunya (1936-1939). Treball de recerca. Barcelona: Institut Icària de Barcelona, 2013. P.65-68.
- (15) Peirats J. La CNT... T.1. P.321-324.
- (16) Bernecker W.L. Anarchismus und Bürgerkrieg. Hamburg, 1978.S.170-172; Service de Presse de l'AIT. 1936. No.4. Août.
- (17) Paz A. Durruti en la Revolucion Española. Madrid, 1996. P.560-561.
- (18) Bernecker W.L. Anarchismus und Bürgerkrieg... S.207, 206.
- (19) Boletín de información. 25.12.1936. No.138. P.5 // РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.302. Л.89.
- (20) Boletín de información. 31.12.1936. No.143. P.4-5 // Там же. Лл.106-107.
- (21) Boletín de información. 16.12.1936. No.130. P.9 // Там же. Л.54.
- (22) Boletín de información. 24.12.1936. No.137. P.1 // Там же. Л.75.
- (23) Boletín de información. 16.12.1936. No.130. P.9 // Там же. Л.54.
- (24) Boletín de información. 15.12.1936. No.129. P.6 // Там же. Л.42.

- (25) Boletín de información. 25.12.1936. No.138. P.6 // Там же. Л.90.
- (26) См.: Boletín de información. 10.12.1936. No.125. P.7-11 // Там же. Лл.7-11.
- (27) Boletín de información. 22.12.1936. No.135. P.7 // Там же. Л.61.
- (28) См.: Boletín de información. 23.12.1936. No.136. P.4 // Там же. Л.67; Peirats J. La CNT... T.1. P.326-328.
- (29) Boletín de información. 22.12.1936. No.135. P.2 // РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.302. Л.56.
- (30) IISG. Amsterdam. IWMA Archives. Extraordinary Congress. Paris, 1937. No.22. Rapport du secrétariat de Barcelone, par H. Rüdiger. P.24.
- (31) Boletín de información. 22.12.1936. No.135. P.3-5; 23.12.1936. No.136. P.8 // РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.302. Л.57-59, 71.
- (32) Boletín de información. 1.01.1937. No.144. P.1 // Там же. Л.113.
- (33) Boletín de información. 11.12.1936. No.126. P.7-8 // Там же. Лл.18-19.
- (34) Souchy A. Nacht über Spanien... S.105-106.
- (35) Boletín de información. 15.12.1936. No.129. P.3-4 // РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.302. Лл.39-40.
- (36) Boletín de información. 25.12.1936. No.138. P.3 // Там же. Л.85.
- (37) Peirats J. La CNT... T.1. P.266-267.
- (38) Peirats J. Les anarchistes... P.103-104.
- (39) Le Combat syndicaliste. 18.09.1936. No.174.
- (40) Souchy A. Nacht über Spanien... S.120-124, 128-130.
- (41) Цит. по: Fraser R. Blood of Spain... P.183.
- (42) См.: Peirats J. Les anarchistes... P.109-110.
- (43) По арагонским коллективам 1936-1938 гг. существует обширная литература, начиная со свидетельств и анализа очевидцев (см., например: Souchy Bauer A. Entre los campesinos de Aragón. Comunismo libertario en las comarcas liberadas. Barcelona, 1977; Carrasquer F. Las Colectividades de Aragón. Un vivir autogestionado, promesa de futuro. Barcelona, 1986; Leval G. Das libertäre Spanien... S.79-140; и др.) и работ общего характера (см, например: Peirats J. La CNT... T.1. P.286-301) до конкретных научных исследований (см., например: Casanova J. Anarquismo y revolución en la sociedad rural aragonesa, 1936-1938. Barcelona, 2006; Díez Torre A.R. Trabajan para la eternidad. Colectividades de trabajo y ayuda mutua durante la Guerra Civil en Aragón. Madrid, 2009; Kelsey G. Anarchosyndicalism, libertarian communism and the State. The

CNT in Zaragoza and Aragon 1930–1937. Dordrecht; Boston; London, 1991; Martín Soriano A. Libertarios de Aragón. Cronología en torno a Joaquín Ascaso, el Consejo de Aragón y los anarquistas de nuestra tierra. Zaragoza: Editorial Doce Robles, 2015; и др.).

(44) Souchy Bauer A. Entre los campesinos de Aragon. Barcelona, 1977. P.75.

(45) Hellwege J. Genossenschaftliche Tradition und die Anfänge des Anarchismus in Spanien. (Texte zur Theorie und Praxis des Anarchismus und Syndikalismus. Bd.10). O.O., o.J.

(46) Díez Torre A.R. Trabajan para la eternidad... P.26.

(47) Ibid. P.39. По данным, приводимым Ф.Карраскером, в первые месяцы гражданской войны возникли 450 коллективов, объединенных в 25 окружных федераций (округа Альканьис, Ангуэс, Альфамбра, Аинса, Алькориса, Алиага, Альбалате-де-Синка, Альбалате-дель-Арсобиспо, Барбастро, Бинефар, Каспе, Эхульве, Эсуча, Граус, Граньен, Лесера, Муньеса, Мас-де-лас-Матас, Мора-де-Рубиелос, Пуэбла-де-Хихар, Пина-де-Эбро, Панкрудо, Вастаго, Тардиента, Вальдерробрес). В 1937 г. число коллективов выросло до 600. См.: Carrasquer F. Las Colectividades de Aragon. Barcelona, 1986. P.55–56.

(48) Текст резолюции см.: Leval G. Das libertäre Spanien... S.83; Carrasquer F. Las Colectividades... P.66.

(49) Peirats J. Les anarchistes... P.118–134; Leval G. Das libertäre Spanien... S.81–140.

(50) Мигель А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С.71.

(51) Souchy Bauer A. Entre los campesinos... P.62–63.

(52) Oved Y. «Comunismo Libertario» and Communalism in the Spanish Collectivization (1936–1939) // Anarchism: Community and Utopia. Prague, 1993. P.183.

(53) Leval G. Das libertäre Spanien... S.71, 182–195.

(54) Цолов Ст. В революционна Испания // Свободна мисъл. 1998. №5. С.5.

(55) Souchy A. Nacht über Spanien...S.132.

(56) Paz A. Durruti... P.S.547–550.

(57) Actas del Primer Congreso Extraordinario de Colectividades celebrado en Caspe los días 14 y 15 de Febrero de 1937 // Díez Torre A.R. Trabajan para la eternidad...P.354 (doc. №30).

(58) Vela Sevilla D. ¿Economía de guerra o revolución social? Las colectividades agrarias libertarias durante la guerra civil en Aragón, 1936–1938. Trabajo Fin de Máster. Zaragoza: Universidad de Zaragoza. Facultad de Filosofía y Letras, 2013. P.63–64.

(59) Carrasquer F. Las Colectividades... P.57-67; Leval G. Das libertäre Spanien... S.81-88; Peirats J. La CNT... T.1. P.297-300; Bernecker W.L. Anarchismus und Bürgerkrieg... S.110-111, 125-126.

(60) Carrasquer F. Las Colectividades... P.65.

(61) Несколько отдельных коллективов в феврале 1937 г. все же выпустили собственные деньги-боны. К выпуску местных денег в испанской валюте коллективы вернулись только в июне 1937 г., в условиях общего отступления революции. С августа 1937 г. местные деньги выпускались муниципальными советами.

(62) Alexander R.J. The Anarchists in the Spanish Civil War. Vol.1. London, 1999. P.363.

(63) Carrasquer F. Las Colectividades... P.67-68.

(64) Oved Y. «Comunismo Libertario»... P.182. Для сравнения, в Каталонии, где аграрная коллективизация получила меньшее развитие, урожай пшеницы в 1937 г. был на 20% ниже, чем в 1936 г., а в частях Арагона, захваченных «националистами» (франкистами), урожайность за 1937-1938 гг. упала на 40%, хотя эти районы считались более плодородными, чем республиканская часть Арагона; см.: Kelsey G. Anarchosyndicalism, libertarian communism and the State. The CNT in Zaragoza and Aragon, 1930-1937/ Dordrecht et al., 1991. P.168-169.

(65) Azaretto M. Las Pendientes Resbaladizas (Los Anarquistas en España. Montevideo, 1939. P.207, 209.

(66) Alexander R.J. The Anarchists... Vol.1. P.389-408. А.Сухи вспоминал, как в сезон сбора урожая в 1937 г. он вместе с лидером британской Независимой рабочей партии Феннером Брокуэем проезжал на автомашине через апельсиновые плантации в провинции Валенсия. «Феннер хотел купить несколько апельсинов. "Мы их не продаем", - заявили нам крестьяне. "А можно вообще где-то здесь, в апельсиновом районе, достать апельсины?" - "Сколько хотите, но только не за деньги", - был ответ. Наполнили мешок почти центнером апельсинов и дали нам в подарок. Наши попытки заплатить за фрукты были безуспешными. "Когда мы приедем в Барселону, - сказали крестьяне, - вы можете дать нам что-нибудь из излишков ваших изделий". Эти крестьяне установили либертарный коммунизм»; см.: Souchy A. Nacht über Spanien... S.257.

(67) Испания и Португалия. М., 1947. С.43.

(68) Boletín de información. 24.12.1936. No.137. P.2 // РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.302. Л.76.

(69) Leval G. Das libertäre Spanien... S.147-148.

(70) Alexander R.J. The Anarchists... Vol.1. P.409-413.

(71) Amorós M. Maroto, el heroe. Una biografía del anarquismo andaluz. Barcelona, 2011. P.91-92.

(72) Alexander R.J. The Anarchists... Vol.1. P.438-446.

(73) Ibid. P.446–453.

(74) Souchy A. Nacht über Spanien... S.148.

(75) См.: Фёдоров А. Социальный эксперимент в Испании // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений: к 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина (Материалы и исследования). Дмитров: Музей-заповедник «Дмитровский Кремль», 2012. С.105–106. Данные, приводимы различными авторами см.: Leval G. Das libertäre Spanien... S.78; Alexander R.J. The Anarchists... Vol.1. P. 325, 344, 360, 397–398, 434, 447, 455; Mintz F. Autogestión y anarcosindicalismo en la España revolucionaria. Buenos Aires, 2008. P.101–102; Casanova, J. Anarchism, the Republic and Civil War in Spain 1931–1939. London; New York, 2005. P.131; Oved Y. «Comunismo Libertario»... P.177–178; др.

(76) Martí Ibáñez F. La revolución sexual // Estudios. Revista eclectica. 1935. No.134. Noviembre. P.3–5.

(77) См.: Madrid Santos F. La prensa anarquista y anarcosindicalista en España desde la I Internacional hasta el final de la Guerra Civil. Tesis de Doctorado. Vol.I. Análisis de su evolución, 1869–1930; Vol.II. T.1. Catálogo cronológico, 1869–1923; T.2. Catálogo cronológico, 1869–1923. Barcelona: Universidad Central de Barcelona; Facultad de Geografía y Historia; Departamento de Historia Contemporanea, 1988–1989.

(78) Так, тираж журнала «Эстудиос» составлял 65–70 тыс. экземпляров, «Солидарidad obrera» – 40–50 тыс., «СНТ» – 30 тыс., «Тьерра и либертад» – 20 тыс., «Тьемпос нуэвос» – 15 тыс., «Ревиста бланка» – 5 тыс. и т.д. См.: Leval G. Das libertäre Spanien... S.27.

(79) Leval G. Das libertäre Spanien... S.27.

(80) Испания и Португалия... С.152.

(81) Leval G. Das libertäre Spanien... S.54.

(82) Souchy A. Nacht über Spanien... S.145.

(83) Рублев Д.И. Франсиско Феррер – теоретик и практик либертарной педагогики // Феррер-и-Гуардия Ф. Современная школа. М., 2012. С.6–7. См. также: Brignoli G.L., Vincenti R. Francisco Ferrer y Guardia: «Un revolucionario que no hay que olvidar» / «Un rivoluzionario da non dimenticare». Bergamo, 1993.

(84) Феррер-и-Гуардия Ф. Современная школа. М., 2012. С.70.

(85) Рублев Д.И. Франсиско Феррер... С.7,10.

(86) Blanco V. Alcampel (Huesca) 1880–1936 // Souchy Bauer A. Entre los campesinos... P.99.

(87) См.: Tiana Ferrer A. Educación libertaria y Revolución social. España, 1936–1939. Madrid, 1987; Fernández Soria J.M. Cultura y Libertad. La educación en las Juventudas Libertarias

(1936–1939). Valencia, 1996.

(88) Fiscer Lamelas G. Pedagogía libertaria española a inicios del siglo XX // Revista de Clasehistoria. Publicación digital de Historia y Ciencias Sociales. Artículo No.276. 15 de febrero de 2012. P.9–11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clasehistoria.com/revista/2012/articulos/fiscer-pedagogia-li...> (дата обращения: 30.07.2016).

(89) Carrasquer F. Las realizaciones educativas de la CNT en el periodo revolucionario 1936–1939 // Polémica. 1986. No.22-25. Julio. О культурной и образовательной работе «Либертарной молодежи» см. подробнее: Fernández Soria J.M. Cultura y Libertad. La educación en las Juventudes Libertarias (1936–1939). Valencia, 1996.

(90) Mur Mata M. Educación libertaria en Aragón, 1936–1938 // Aula. Salamanca. 1996. No.8. P.77–91.

(91) Carrasquer F. Las realizaciones educativas...

(92) Ríos Carratalá J.A. El tiempo del desmuestro. Historias insólitas del cine y la guerra civil española. Barcelona, 2010; Paniagua J.F. La Revolución española, los anarquistas y el cine // Tierra y Libertad. 2011. №281. Diciembre. P.8–10; Гранцева Е.О. Кинематограф и гражданская война в Испании // Испанский альманах. Вып.1. Власть, общество и личность в истории. М., 2008. С.65–68.

(93) Либертарное неомальтузанство имело совершенно иную направленность, чем рецепты демографа Т. Мальтуса и его буржуазных последователей. Мальтузианцы считали, что главной проблемой, которая порождает голод и нищету, является перенаселенность как таковая. Те из анархистов, которые восприняли аргумент о проблематичности неконтролируемого роста населения, стремились придать ему социально-критическое содержание. Признавая, что в свободном обществе будущего возможно изобилие, они подчеркивали, что до его наступления, при государственническом и классовом строе увеличение числа рабочих и бедняков служит интересам исключительно власть имущих, способствуя росту безработицы и нищеты. Трудящиеся не в состоянии прокормить большое количество детей на свою низкую зарплату. Предприниматели снижают уровень зарплаты, пользуясь избытком рабочих рук. Тема приобретала в устах анархистов и антимилитаристское звучание: обращалось внимание на то, что государство заинтересовано в повышении рождаемости, чтобы иметь больше солдат для ведения войн. Поэтому либертарные мальтузианцы выступали за контроль над рождаемостью и сознательное планирование семьи. Разумеется, по их представлениям, такой контроль должен был явиться результатом не принудительной политики со стороны государства, а сознательных действий самих трудящихся. Необходимо также добавить, что отказ от общественного принуждения к рождению детей связывался также с освобождением женщины от навязываемой ей в патриархальном обществе роли «родильного станка».

(94) Либертарное понимание евгеники кардинально отличалось от реакционного и фашистского. анархистские авторы рассматривали ее не как селективное выведение расово

и этнически «чистой» породы людей, но как создание таких оптимальных условий жизни, которые позволяют добиться здорового и крепкого потомства, сознательно планировать семью и деторождение, предотвращать риск наследственных заболеваний и т.д. Осуществлять такие меры призвано было не государство, а сами люди, получившие необходимые знания. Либертарная евгеника была тесным образом связана с представлением о здоровом образе жизни, который позволяет искоренить заболевания, в том числе и наследственные. См.: Cleminson R. Eugenics without the State: anarchism in Catalonia, 1900–1937 // *Studies in history and philosophy of biological and biomedical sciences*. 2008. No.39(2). June. P.232–239; Idem. Anarquismo y sexualidad en España, 1900-1939. Cádiz, 2008; Masjuan Bracons E. La ecología humana en el anarquismo ibérico: urbanismo organico o ecologico, neomalthusianismo y naturismo social. Barcelona; Madrid, 2000; Roselló J.M. La vuelta naturaleza: el pensamiento naturista hispano (1890-2000): naturismo libertario, trofología, vegetarianismo naturista, vegetarianismo social y librecultura. Barcelona 2003; и др.

(95) Iñiguez M. Esbozo de una Enciclopedia historica del anarquismo español. Madrid, 2001. P.208.

(96) См.: Peciña M. Isaac Puentes // *Muga*. 1980. No.5. Abril. P.80–93. О либертарном натуразме, включавшем экологические идеи гармонии с природой, естественной одежды, питания и т.д., вплоть до нудизма и вегетарианства, см.: Roselló J.M. Dossier: El naturismo libertario en la Península Ibérica // *Ekintza Zuzena*. Bilbo, 2005. No.32.

(97) *Un Medico Rural*. A modo de programa // *Estudios*. Revista eclectica. Publicación mensual. Valencia, 1931. No.94. Junio. P.1–3.

(98) Аборты допускались исключительно по инициативе самих женщин в течение первых 3 месяцев после зачатия и не чаще одного раза в год. См.: Peirats J. *La CNT...* T.2. Cali, 1988. P.85–86.

(99) О свободных союзах в революционной Испании см., в частности: Фёдоров А. Социальный эксперимент в Испании... С.112; Bolloten B. *The Spanish Civil War: Revolution and Counterrevolution*. Chapel Hill; London, 1991. P.69. Текст декрета см.: Peirats J. *La CNT...* T.2. P.83–84.

(100) Цит.по: Peirats J. *La CNT...* T.2. P.88.

(101) Фёдоров А. Социальный эксперимент в Испании... С.111.

(102) Согласно М. Иньигесу, группы и члены «Свободных женщин» имелись в Барселоне, Фигерасе, Паламосе, Сабаделе, Таррасе, Гранольерсе, Жероне, Тортосе, Мартореле, Манресе, Мадриде, Педральбе, Петреле, Винаросе, Моноваре, Бурриане, Мурсии, Кастильоне, Сьюдад-Реале, Гвадалахаре (с более чем 20 ячейками в селах), Риполе, Росасе, Сервере, Виче, Тремпе, Балагере, Калелье, Сан-Фелиу, Бадалоне, Сан-Садурни, Лериде, Куэнке, Эльде, Хихоне, Монкаде, Вальсе, Аренис-де-Маре, Матаро, Эспаррагере, премиа, Пуичсерде, Льорете, Кастильну, Монистроле, Косентаине, Вильене, Эльче, Караваке, Валенсии, Аликанте, Хативе, Эльде, Алькое, Бурхасоте, Утиэле, Бокаиренте, Кульере, Альхинете, Бетере, Каркахенте, Торренте, Альбасете, Каспе, Альканьисе, Монсоне, Масалеоне, Барбастро, Альбалате, Бухаралосе, Онтиньене, Алькорисе, Каланде, Новельде,

Гранаде, Альмерии и др., а также за рубежом (во Франции, Бельгии, Нидерландах, Аргентине, Польше, США, Великобритании).

(103) Iñiguez M. Esbozo de una Enciclopedia... P.424.

(104) Подробнее о «Свободных женщинах» см., например: Kaplan T.E. Spanish Anarchism and womens Liberation // Journal of Contemporary History. 1971. Vol.6. No.2; Ackelsberg M.A. «Separate and Equal»? Mujeres Libres and Anarchist Strategies for Women`s Emancipation // Feminist Studies. 1985. Vol.11. No.1. Spring; Idem. Free Women of Spain: Anarchism and Struggle for the Emancipation of Women. Bloomington, 1991; Nash M. Rojas: Las mujeres republicanas en la Guerra Civil. Madrid, 1999; Sanchez Blanco L. El anarcofeminismo en España: las propuestas anarquistas de Mujeres Libres para conseguir la igualdad de géneros // Foro de Educación. 2007. No.9; Idem. La educación política y social de dos organizaciones femininas en la guerra civil española: Auxilio Social y Mujeres Libres. Tesis doctoral. Salamanca, 2012; Idem. La educación femenina en la revista Mujeres Libres // Prensa pedagógica y patrimonio histórico educativo. Contribuciones desde la Europa mediterránea y Ibéroamerica. Salamanca, 2013; и др. Из российских авторов над историей «Свободных женщин» работает А. Фёдоров, написавший статью, которая была опубликована в Интернете (Фёдоров А. Свободные женщины Испании. [URL: <https://aitrus.info/node/4496>]), а в настоящее время готовит книгу «Свободные женщины несвободной Испании».

(105) Masjuan Bracons E. La ecologia humana en el anarquismo iberico. Barcelona et al., 2000. P.200–201.

Версия #2

Зверобой создал 5 мая 2025 22:55:45

Зверобой обновил 5 мая 2025 23:15:06